

Анна Владимировна Богданова
Юность под залог
Серия «Такая смешная любовь»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161334
Богданова А. Юность под залог: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-20596-7

Аннотация

Юная красавица Аврора нравится огромному количеству мужчин. Только никому из них она не может ответить взаимностью. Ведь она любит только своего мужа Юрку Метелкина. Который безумно ревнует, устраивает сцены и... изменяет Авроре. Что делать? Эх, вот если бы взять от влюбленного итальянца Марио хотя бы половину его доброты и преданности, от поклонника Гарика хоть четверть юмора и мудрости, свалить это в огромный котел, кинуть туда за шкурку Юрку, перемешать и варить на медленном огне до полной готовности. Вот тогда и получился бы настоящий идеальный мужчина для Авроры...

Содержание

Анна Богданова	4
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Анна Богданова

Юность под залог

«Добренького здоровьица! Это опять я – Аврора Владимировна Дроздомётова! Спешу доложить, что за то время, пока я писала предыдущий роман, мне стукнуло пятьдесят один год, но климакс так и не оставил меня в покое! Говорят, у некоторых женщин он (этот невыносимый процесс) длится аж двадцать лет! Ужас! Если и у меня будет протекать менопауза столько же, я за себя не ручаюсь – точно прикончу кого-нибудь! А как иначе, когда жар приливает, когда с головы текут струи пота, когда внутри все дрожит и трясется?! Ну как тут сдержаться? И потом, эти странные желания – как чего в голову втемяшится, так вынь да положь! Вчера, к примеру, в час ночи захотелось мороженого! Пришлось вставать с кровати и идти в ближайший ночной магазин! Ну да ладно. Главное, чтоб желания были скромными.

Как вы, наверное, поняли, я человек слова: обещала, что будет продолжение книги, и вот – пожалуйста! Читайте с удовольствием!

Я человек одинокий, несмотря на то что у меня есть дочь – Арина Метелкина, актриса, которая бросила Москву, меня, детский театр, развелась с мужем и вот уж несколько лет играет на сцене провинциального театрика в основном мужские роли и счастлива, бедняжка. Скоро выйдет премьера «Горе от ума», где она будет выступать в роли Чацкого. Смех, да и только!

Я человек одинокий, несмотря на то что у меня есть муж (четвертый, кажется, а может, пятый – теперь и не вспомнить. Можно документы поднять, да недосуг) – старый пердун (на четырнадцать лет старше меня) – Сергей Григорьевич Дроздомётов. Господи! И зачем я только согласилась взять его фамилию?! Ну что это за фамилия?! Курам на смех! Ну да ладно. Живет он в деревне Кочаново ...ской области в трехстах километрах от Москвы из-за проблем с легкими – видите ли, не может он дышать городским, загрязненным воздухом – и носа в столицу не кажет! Ну и не надо! Мне-то что! Мне так даже лучше! Меня, главное, не трогать! Так нет! Не живется ему спокойно! Каждую неделю звонит из ближайшего поселка городского типа, зовет, упрекает – мол, жена ты мне или кто? Приезжай немедленно! А что мне, цивилизованному человеку, делать в этой глуши, в избушке на курьих ножках на окраине темного леса, среди деградирующих соседей, где показывают всего две программы телевидения и нет телефона?! Мне – человеку творческому?!

Скажу вам по секрету. Мой Дроздомётов хоть уж и не может ничего (ну вы поняли, конечно, чего он не может), всюю пристаёт к деревенским бабкам – то одну за сиську цапнет, то другую за задницу ущипнет! И какое мне удовольствие на это смотреть?!» – отбарабанила наша героиня на подержанном портативном компьютере, подаренном ей чуть больше года назад дочерью, перечитала текст и впала вдруг в странное состояние нерешительности, сомнения, безысходности даже какой-то.

Она принялась нервно раскачиваться на табуретке взад-вперед. Чуть было не грохнулась спиной на кафельной пол, чертыхнулась и со злостью воскликнула:

– Это что ж такое получается?! Что во втором томе своих мемуаров я буду пересказывать содержание первого?! Эдак никогда с места не сдвинешься! Эдак я дальше своей свадьбы с Юркой Метелкиным и не уйду! А впереди еще столько событий! Столько поклонников, любви! Вся жизнь впереди – можно сказать, лучшие годы! Как быть? Как? – вопрошала Аврора Владимировна у кухонных стен, у расцветшего мелкими розовыми, марганцовочными салютиками кактуса, у не вымытой из-под молока белой чашки с синим петухом.

Но ни стены, ни кактус, ни чашка – ничто, да и никто, кроме самой Дроздомётовой, не мог дать ей ответа на сей чисто технический литературный вопрос – как ненавязчиво и не утомляя многоуважаемого читателя, кратко, но полно пересказать в новой книге содержание предыдущего тома.

Аврора Владимировна злилась, ходила по кухне взад-вперед, ругаясь так громко, что слышно было на улице, поскольку балконная дверь из-за невыносимой жары начала июля была распахнута настежь. Приступ ярости закончился тем, что она запульнула ни в чем не повинную гжелевскую чашку в окошко. Только услышав, как та разбилась об асфальт, Дроздомётова несколько успокоилась, и взгляд ее упал на плитку горького шоколада.

– О! – восторженно воскликнула она, прикрыла ноутбук и принялась варить крепкий кофе.

Аврора Владимировна не сомневалась, что горький шоколад в сочетании с крепким кофе непременно натолкнет ее на умную, нужную мысль, поскольку знала, что один гениальный шахматист, фамилии которого теперь и не вспомнить, всю свою жизнь завтракал исключительно шоколадом и что именно это кондитерское изделие и сделало из него, собственно, гения. Вот таким образом размышляла наша героиня, когда влетела в маленькую комнату с подносом, на котором несла, с ее точки зрения, экзотический завтрак. Поставив его на низенький журнальный столик, она включила телевизор и принялась переключать программы.

– Утром ничего хорошего никогда не показывают! Ерунда какая-то сплошная! – возмущалась она, рассасывая квадратик шоколада, как вдруг на экране появилась знаменитая писательница любовных романов.

– А над чем вы работаете сейчас? Или это тайна? – спрашивала литературную львицу молоденькая худосочная журналистка.

– Ну-ка, ну-ка! – заинтересовалась Аврора Владимировна и буквально впилась взглядом... Да что там взглядом! Плечами, шеей, головой, носом даже впилась она в телевизор. Причем героиню нашу интересовало не столько над чем в данный момент работает известная романистка, сколько то, на чем и за чем она сидит. Матерую писательницу, по всей видимости, снимали у нее дома, в собственном кабинете. Она сидела за письменным столом, размеров которого Дроздомётова никак не могла определить – бедняжка пригibasлась и так и эдак, подсказывала к телевизору, пытаясь заглянуть внутрь и увидеть там то, что скрыто от камеры, но все впустую. Зато уж кресло, в котором вальяжно развалилась «инженерша человеческих душ», наша героиня рассмотрела, можно сказать, детально. Большое, крутящееся, с высокой спинкой и подлокотниками, черное и наверняка кожаное.

– Конечно! В таком кресле, да за таким столом и «Войну и мир» грех не написать! – хмыкнула Аврора Владимировна и с той самой минуты буквально заболела идеей о создании точно такого же кабинета. Ход ее мыслей был примерно таков: «А чем это я хуже ее? И почему я свои мемуары должна сочинять на кухне, сидя на убогой табуретке без спинки, за разделочным столом? Я что ж, не могу себе кожаное кресло позволить? Или я поганее ее пишу?»

Весь день и всю ночь Аврора Владимировна думала о рабочем кабинете, который должен непременно сделать из нее великую писательницу, подобно тому как ежедневная плитка шоколада из простого, ничем не примечательного мальчишки сделала гениального шахматиста. Лишь под утро она задремала, и все ей снились крутящиеся стулья, табуретки и кресла. Столы виделись как-то неопределенно – больше какие-то фрагменты да углы.

Утром Дроздомётова проснулась в крайне возбужденном состоянии. Бодрая, полная сил и энергии, несмотря на дурно проведенную ночь, она была готова к самым решительным действиям.

Аврора Владимировна первым делом достала из шифоньера сберегательные книжки (эта манера хранить документы под стопкой чистого постельного белья перешла к ней от родительницы – Зинаиды Матвеевны), проверила сумму, число и, довольно кивнув головой, аккуратно положила их вместе с паспортом во внутренний кармашек сумки цвета недозрелого банана. Этот кивок означал одно: что подошло время снять ежеквартальные проценты с двух книжек – этой суммы вполне хватит и на стол с креслом, и на пропитание. Спасибо покойной Татьяне Романовне – матери Сергея Дроздомётова, которая неожиданно для всех оставила после себя внушительный капитал. Ах, если б только покойная знала, что ненавистой невестке (которая, кстати сказать, два года ходила за ней, как за малым ребенком, подсовывая утку и кормя с ложечки) достанется ровно половина от ее накопленных (совершенно непостижимым образом) денег, – воскреснув, она б захотела умереть снова.

Наша героиня твердо решила обустроить свой кабинет ничуть не хуже, чем у известной писательницы любовных романов, – она даже прикинула, какую фотографию поставит в рамочке напротив себя – там, где они с дочерью на фоне ...ского монастыря. «Это намного практичнее и рациональнее, чем покупать очередной золотой комплект с искусственно выращенным сапфиром», – так думала она, выходя из дома. Если честно, то серьги с кольцом Авроре Владимировне хотелось ничуть не меньше кресла со столом – у нее с юности, нет, пожалуй, даже с детства была слабость к такого рода безделушкам. Еще будучи ребенком, она пообещала своим обидчикам сестрам Тарашукам, у которых мать работала на ювелирном заводе и таскала им оттуда всякие железные колечки с разноцветными стекляшками (а те раздавали их девочкам во дворе – всем, кроме Авроры), что когда вырастет, то у нее будет колечко на каждом пальчике не только на руках, но и на ногах! И обещание это сдержала! (Ведь она человек слова!) Более того, Дроздомётова порой удивлялась: и отчего у человека всего два уха? Было хотя бы четыре пары. Тогда она имела бы возможность показать свои лучшие серьги...

И, конечно, если б не увиденное по телевизору интервью со знаменитой романисткой, наша героиня, не задумываясь, приобрела бы комплект с сапфирами. Во-первых, покупая золото, надежно вкладываешь деньги, во-вторых, если, не дай бог, останешься на старости лет без куска хлеба, с золотом не пропадешь – даже в войну его можно было обменять на продовольствие. А в-третьих... В-третьих, это просто красиво. Так думала Дроздомётова всегда – даже тогда, когда еще не была Дроздомётовой.

Но теперь все изменилось. После написания первой книги мемуаров она вдруг почувствовала себя другим человеком – она ощутила себя писателем. Более того, писателем не простым, не каким-то там бумагомарателем, борзописцем и шелкопером, а избранным кем-то свыше сочинителем.

Если раньше, буквально год тому назад, она тяготилась одиночеством, с тоской вспоминая прошлое, ненавидя настоящее и совершенно не представляя будущего, то сейчас все занимало ее: привычные вещи, предметы и явления порой кажутся ей чудом. К примеру, укладывая на сковородку куски обыкновенной говяжьей печени, Дроздомётова не может не сравнить их с медузами. Недавно построенный дом со шпилем, который так раздражал и бесил ее полтора года назад, она воспринимает по ночам в свете полной луны не иначе как готический замок где-то на краю земли, в котором уродец хозяин заточил прекрасную девушку и требует от нее страстной любви. Девушка сопротивляется, отказывается от пищи, не разговаривает – одним словом, держится изо всех сил, а уродец хохочет на весь замок-многоэтажку гомерическим смехом, приговаривая:

– Все равно моя будешь! Поняль? Да?

Иногда в сознании Авроры Владимировны происходит некоторое смещение – в несчастной гордой девушке она видит себя в молодости. И настолько входит в роль несущей

ствующей заложницы, что порой даже плачет от обиды и злости на уродца в свою поролоновую противоаллергическую подушку.

Согласитесь, с таким богатым воображением и буйной фантазией грех не стать настоящей писательницей. Остался суший пустяк – отшлифовать, выработать и довести до идеала свой стиль. Но с опытом это придет. Делов-то!

Посему теперь Авроре Владимировне непременно нужны были стол и кресло – настолько, что она даже отказалась от золотого комплекта с сапфирами (!).

Сняв в сберкассе проценты, она примчалась домой и кинулась к телефону – обзванивать своих приятельниц и знакомых (подруг у нее к пятидесяти одному году не стало – все они растерялись, растаяли на тернистом жизненном пути, выпали, подобно гнилым зубам в старости).

Дроздомётова набрала номер Вероники Александровны Бубышевой – женщины глубоко несчастной, основным занятием которой в ее шестьдесят с небольшим лет было перекачываться в кровати с одного бока на другой, засыпать под орущий телевизор и поглощать шоколадные изделия не то что в неограниченных, а в неконтролируемых количествах. Ее горе было зарыто в далеком 1992 году. В то роковое лето от нее ушел любимый муж Ларион, с которым они прожили душа в душу двадцать лет, – ушел к другой женщине. И не сказать чтоб уж очень молодой, красивой или богатой – так, ничего особенного. Просто она как-то случайно забеременела от него (да-да, он именно так и объяснил все супруге).

– Как? И что же теперь? – ничего не понимая, вопрошала Бубышева. – Ты ведь категорически не хотел детей! Я ж от тебя пятнадцать абортот делала! – перешла в наступление она, но ни удивление, ни наступление – ничто уж не могло изменить сложившуюся ситуацию. Ларион ушел. Что только не делала Вероника Александровна! Она ревела белугой, она следила за теперь уже чужим мужем, она звонила ему на работу и угрожала. Она даже травилась: выпив горсть снотворных таблеток и предварительно сообщив по телефону бывшему супругу о своем безумном поступке, Бубышева улеглась на диван и, приняв красивую, полную неги и печали позу, принялась ждать (скорее все-таки Лариона, чем смерть). Он, конечно, приехал, вызвал «Скорую», Веронику Александровну промыли, спасли, и с тех пор Ларион разрывается на две семьи, а Бубышева никак не может понять, что же все-таки произошло в девяносто втором году? С тех пор минуло почти пятнадцать лет, а приятельница Авроры Владимировны заедает свое горе ежедневно и беспричинно плачет с завидной стабильностью – с восемнадцати до двадцати часов, ходит к гадалкам и экстрасенсам в надежде вернуть любимого супруга, который теперь, после стольких лет одиночества, вряд ли ей нужен. Дело в том, что Вероника Александровна за это время превратилась в закоренелую эгоистку и не может отказать себе даже в самой пустяшной мелочи. Но сама она вряд ли об этом догадывается.

– Але, – басом проговорила Бубышева – хоть она никогда в жизни не курила, голос ее отчего-то напоминал мужской.

– Ника! Это я, здравствуй, как ты? – выпалила залпом Аврора Владимировна, дабы побыстрее перейти к интересующему ее и животрепещущему вопросу о том, где можно выгодно и удачно купить кресло со столом.

– Как? Никак. Снова плакала. Ларион обещал позвонить утром – не позвонил, – уныло проговорила Вероника и вдруг воскликнула: – Вот я не понимаю, зачем врать?! Ведь он еще вчера знал, что не позвонит, а наобещал! Зачем обещать было? Вечно врет! Все время изворачивается!

– Да ладно, утро-то еще не кончилось! Всего-то одиннадцатый час! – утешила ее наша героиня и хотела уж было перейти к волнующему ее вопросу, как Бубышева снова забасила:

– Как же, позвонит! Ничего не позвонит! А я сиди жди! У меня что, дел нет? Я вон уже в дверь с трудом вхожу. Надо будет косяки сносить. Хотела сегодня поехать липосакцию передней брюшной стенки сделать! Уж узнала все, настроилась!

– Зачем это? – удивилась Дроздомётова – она никак не могла привыкнуть к тому, что приятельница только и делает, что выбрасывает деньги на ветер.

– Как зачем?! Говорю же, в дверь с трудом протискиваюсь! Косяки-то сносить – совсем уж последнее дело! И потом похудею, похорошею, и Ларион ко мне вернется... – мечтательно проговорила она, но Аврора Владимировна, представив Бубышеву такой, какая она была теперь – с седой стрижкой «под ноль», обрюзгшую, дряблую, с ежиком колючих, отросших усов, усомнилась.

– Дорогая? Эта твоя липосакция?

– Не спрашивай – все равно не скажу, – буркнула та, но, подумав, добавила: – Дорогая.

– Я по телевизору слышала, что это опасно. Это может привести... – И Аврора Владимировна чуть было не начала рассказывать своей давней приятельнице об ужасных последствиях пластической хирургии, трансплантации волос и липосакции, но та ее перебила:

– И не отговаривай меня – слушать ничего не желаю!

– Ну и ладно! Ты мне лучше скажи, где можно купить хороший письменный стол и крутящееся кресло. Мне для работы надо.

– В магазинах офисной мебели. Где ж еще-то?! Хотя постой, постой... – Вероника Александровна запнулась, будто сию минуту припомнить что-то очень важное. – У Ритки, ты помнишь Ритку?..

– Певичка, что ли?

– Ну да. Так у нее муж ведь руководит этой фирмой-то... Ну как ее... По изготовлению... Ой, ну как это называется... Надгробных плит! Во!

– И при чем тут крутящиеся кресла с письменными столами?

– Притом что он недавно мебель в кабинете менял. Денег у него куры не клюют, а жлоб жуткий! Лишнюю копейку не истратит! Ритку с этой мебелью замордовал совсем – все выбирал, где дешевле. Там за доставку берут, там за сборку, там и за то и за другое. И ведь нашел!

– Да? Ну-ка, ну-ка! – оживилась Дроздомётова.

– Ни за доставку, ни за сборку в этой фирме ничего не берут. Так-то! – с гордостью сказала Бубышева и замолчала.

– Что за фирма-то?

– Ой! Ну как ее?.. Сейчас, сейчас! Нет.

– Что – нет?

– Забыла, – обреченно проговорила Вероника.

– Ну вспоминай, вспоминай! Или Ритке позвони узнай!

– Она в Японии на гастролях! Сейчас, сейчас! Ну так еще морских разбойников называют! Похожее название... Как же это!.. – терзалась Вероника.

– Пират? – с надеждой спросила Аврора.

– Не-е, не пират.

– Флибустьер?

– Это что еще такое? Не-ет. На «к». На букву «к»!

– Контрабандист?

– Ой! Да ну что ты! Нет!

– Корсар?

– Точно! Но фирма называется не «Корсар», а «Корзар»! Ага! Вспомнила! Там «з» вместо «с», поняла? – Бубышева так обрадовалась, словно к ней навсегда вернулся Ларион. – Узнай телефон магазина, который ближе к твоему дому, сходи возьми каталог и закажи

модель по телефону. У них нет выставочного павильона. Вот. Ну я все-таки поеду в косметическую клинику, сделаю липосакцию, – решительно сказала она и нажала на отбой.

Вероника Александровна Бубышева отправилась выкачивать жир из передней брюшной стенки, дабы избежать сноса косяков, а наша героиня, узнав, где находится фирма офисной мебели под пиратским названием «Корзар», не раздумывая, метнулась туда.

– Я хочу стол и кресло! – прогремела она, ворвавшись в тесную комнатку, где сидели три худые девицы, уставившись в мониторы компьютеров.

– Что? Что вы хотите? – испугалась одна из них. Вторая вздрогнула. Третья осталась невозмутима: она по-прежнему что-то пристально разглядывала на экране – будто муху, которая миновала жидкокристаллическую поверхность, забралась внутрь и, забившись в нижний правый угол, никуда не собиралась оттуда вылезать.

– Стол я хочу с крутящимся креслом, как у известной писательницы любовных романов, которую вчера утром показывали по телевизору! – с жаром пояснила Дроздомётова.

– Ах! Понятно! – с облегчением проговорила пугливая девица и, равнодушно вынув из тумбочки толстый журнал, протянула его Авроре Владимировне. – Просмотрите дома, выберете – позвоните, назовете серию, мы вам скажем цену. Доставка на следующий день, сборка через день, – выпалила она заученный текст.

– А доставка бесплатная? – подозрительно спросила Дроздомётова и затаилась.

– Да, как и сборка. Всего хорошего, – вместо «до свидания» сказала девица.

– Мне нужен хороший стол и кресло! Я ведь писатель! Пишу по десять, а то и двенадцать часов в день! – ни с того ни с сего ревностно заявила Аврора Владимировна. – И вообще я вот тут у вас сейчас сяду, все выберу и сразу закажу, – заявила она таким тоном, что отказать ей было никак невозможно.

Наша героиня уютно расположилась на стуле и, водрузив на стол сумочку, принялась сосредоточенно листать каталог. Она смотрела, прикидывала, думала, представляла, как та или иная модель будет смотреться в маленькой комнате. Она то и дело узнавала у девиц, сколько стоит этот чудненький столик или вот это изумительное креслице. Один раз она даже потребовала чаю с лимоном, посетила туалет для сотрудников и покинула фирму офисной мебели через три часа, выбрав великолепное крутящееся кресло с высокой спинкой из черного кожзаменителя (цены на кресла из натуральной кожи уж больно кусались) – точь-в-точь как у сочинительницы любовных романов – и милый компактный столик восьмидесяти сантиметров в длину с черными (под цвет кресла) боковушками и верхом оттенка вишни. «Зачем мне стол длиной метр сорок? Он займет всю стену у окна», – решила она. К тому же общая стоимость покупки была весьма соблазнительной – настолько, что Аврора Владимировна могла себе позволить еще и вожделенный золотой комплект с сапфирами.

Дроздомётова была на седьмом небе от счастья – она весь вечер смотрела то телевизор, то каталог с мебелью и ровно в полночь улеглась в кровать, совершенно довольная собой, своим выбором, сегодняшним днем и ценой покупки.

Спустя два дня Аврора Владимировна сидела в новом кресле, за столом, пахнущим елкой, несмотря на то что изготовлен он был из высококачественного (если верить каталогу) ламинированного ДСП («Может, теперь ДСП делают из соснового сырья?» – подумала она). Из потемневшей рамки на нее смотрела она сама и Арина на фоне ...ского монастыря.

– Я настоящая писательница! – в восторге воскликнула Дроздомётова – аж дыхание перехватывало у нее от собственной значимости и важности.

Наша героиня с нескрываемым удовольствием поглаживала поверхность стола, стучала по боковушкам, вдыхала еловый запах, крутилась на кресле по часовой стрелке и против оной, но не писала. Пыталась. Однако не помогали ей отчего-то в этом новые покупки – не приходило ей на ум решение этого проклятого технического литературного вопроса: как

ненавязчиво и не утомляя многоуважаемого читателя, кратко, но полно пересказать в новой книге содержание предыдущего тома?

К концу трудового дня Аврора Владимировна поняла, что стол на самом деле не такой уж и удобный, каким показался ей на первый взгляд. Во-первых, мощное кресло руководителя категорически отказывалось вкатываться внутрь, поскольку расстояние между боковухами стола в точности совпадало со стальной крестовиной кресла. Во-вторых, стол был высоким, даже слишком – настолько, что у нашей героини за день пустого сидения за ним затекли руки – что уж говорить о том, когда она в поте лица будет корпеть по двенадцать часов над своими мемуарами?! В-третьих, стол узок – ноги затекли ничуть не меньше, чем руки, поскольку деть их просто некуда – можно сидеть лишь в одном положении, как египетская известняковая статуя военачальника Маи периода Среднего царства, что представлена в Берлинском музее.

– Нет! Это не стол, а гроб какой-то! – возмутилась Аврора Владимировна и, выключив компьютер, выскользнула из «саркофага», как обмылок из рук.

Все следующее утро Дроздомётова листала каталог офисной мебели, скрупулезно выбирая себе новый стол.

– Ничего, ничего приличного! – разочарованно, даже отчаянно то и дело выкрикивала она, как вдруг случайно открыла раздел «мебель для руководителей» и буквально на второй странице наткнулась на то, что ей было нужно, – на свою мечту, на настоящий стол писателя. С черными боковухами под кресло, со столешницей богатого рыже-шоколадного цвета радики, длиной метр сорок (уж тут есть куда ноги пристроить!). А главное, с тумбочкой из трех ящичков, один из которых закрывается на ключ. Эта последняя мелкая и незначительная деталь, этот микроскопический ключик, что соблазнительно поблескивал над черной изящной ручкой, моментально развеял все сомнения Авроры Владимировны. Она поняла, что эта вещь, разобранный и сложенный в узкой коробке на складе офисной мебели, должна, обязана просто, принадлежать ей.

Наша героиня кинулась к телефону и позвонила в фирму «Корзар». Она долго объясняла девушке, что хочет вернуть обратно купленный вчера уродливый стол и приобрести новый.

– Я доплачу! Доплачу! Вам же выгоднее! – кричала Аврора возбужденно в трубку, но девушка оставалась непреклонна: она требовала от Дроздомётовой объяснения, присланного в отдел сервиса по факсу, почему именно ее не устраивает купленный стол. Аврора Владимировна имела смутное представление, куда ей пойти, чтобы отправить факс, как именно его отправлять и какого объема он должен быть. – Ну вас! Я хочу купить новый стол! Отстаньте от меня со своим факсом! – вышла она из себя, и девица соединила ее с менеджером.

– Добрый день, фирма «Корзар», Юрий. – Аврора Владимировна, услышав приятный мужской голос, сразу как-то успокоилась, раскрепостилась и решила поделиться с Юрием своими проблемами относительно неудачно купленного стола-гроба.

– Юрочка! Ой! Вас зовут точно так же, как моего первого мужа! Вы непременно, непременно поможете мне! Я в этом уверена! Здравствуйте! – радостно воскликнула она, будто знала этого самого Юрия всю жизнь. – Это вас беспокоит писательница Аврора Дроздомётова! Я купила стол... – И Аврора Владимировна пустилась в долгие объяснения, почему именно ей не подходит этот стол и по какой причине ей нужен другой. – Я ведь писатель, Юраш! Я сижу за компьютером по десять, а то и двенадцать часов. Понимаете?

– Да-да, я очень вас понимаю! – с готовностью отозвался «Юраша» – он уже приготовился к долгому разговору.

– Ведь каким должен быть настоящий письменный стол? Это же неправильно, что после долгого сидения за ним затекают руки!

– Так он вам высоковат? – обрадовался Юрий, что наконец-то выяснил корень, причину, так сказать, проблемы госпожи Дроздомётовой.

– Да-да! Вы совершенно правы! Высоковат! Так высоковат, что грудь прям на столе лежит! Это разве дело?! – возмутилась писательница.

– Что вы говорите?! – проникся Юрий.

– Вы мне скажите! Скажите! – требовала Аврора Владимировна. – Ведь грудь на столе никак не должна лежать! Линия столешницы должна быть на три сантиметра выше пупка! Так или нет?

– Давайте выберем другой! Я вам посоветую. Вот, к примеру, страница двадцать пять, справа. Как?

– А он не очень низенький? – усомнилась Аврора Владимировна. Она напрочь забыла о письменном столе богатого цвета радики с тумбочкой и блестящим ключиком, так соблазнительно торчащим из верхнего ящика. Теперь ей нужен был совет профессионала.

– У нас Лидочка точно за таким работает. Я сейчас к ней подойду и спрошу, удобно ли ей или нет. – И Юрий пошел спрашивать. Аврора Владимировна нервно листала измусоленный каталог.

– Вы знаете, очень удобный стол! Очень! – сообщил услужливый менеджер.

– Да? – Дроздомётова сомневалась. – А эта ваша Лидочка высокая или низенькая?

– Не очень высокая... Метр шестьдесят, наверное...

– А я метр шестьдесят семь!

– О! Да у вас и рост какой хороший! – промурлыкал Юрий – он чуть было не ляпнул, что рост у Дроздомётовой настолько же завидный, как и грудь, которая лежит на столе. – Нет, у Лиды даже не метр шестьдесят! Меньше.

– Эх! Голубчик, что ж вы мне советуете-то?! У меня ведь коленки будут упираться! – вскипела писательница.

Сколько проблем! Грудь лежит на столешнице, руки затекают, коленки упираются! Как подобрать такой фигуристой женщине достойный письменный стол? Именно над этим ломал голову менеджер Юрий. И в эту минуту Аврора Владимировна заявила, что хочет столик цвета радики с тумбочкой, ключиком и условием, что купленный «гроб» они увезут без всяких факсов с ее стороны.

– Хорошо, хорошо! Тогда этот стол обойдется вам дешевле на стоимость того стола, который мы заберем, – с облегчением молвил Юрий, – итого с вас... – И он назвал цену, которая до глубины души поразила Аврору Владимировну. Она поняла, что золотой комплект с сапфирами накрылся медным тазом, и тут же затынула:

– А удобно ли мне будет, Юраша, за ним работать? Я ведь писатель! Пишу мемуары о своей жизни. Да! – с гордостью проговорила она. – Вот закончила первый том, где подробнейшим образом изложила все события своего детства, описала знакомство своих родителей... А знаете, как они нашли друг друга и откуда приехала в Москву в начале прошлого столетия моя родительница? И не догадываетесь! Моя мать – Зинаида Матвеевна (в девичестве Редькина) – родом из деревни Харино, что в Вологодской области. Из многодетной семьи. Да-да! Моя бабка, мать моей матери – Авдотья Ивановна, нарожала от моего деда Матвея Терентьевича шестерых детей. Каждый год рожала, пока тот не умер от воспаления легких!

– Да что вы говорите?! – Юрий сделал вид, что очень удивился. Менеджера охватило двойственное чувство: с одной стороны, он хотел побыстрее отвязаться от пристающей писательницы, но с другой – не мог. В фирме «Корзар» действовала политика «клиент всегда прав», особенно в тех случаях, когда этот клиент собирался что-то купить. Поэтому, чтобы не испортить все дело, ему оставалось лишь одно: выслушать Дроздомётову до конца и расстаться с ней таким образом, чтобы той снова захотелось в дальнейшем что-нибудь приобрести в их фирме.

– Да! Представьте себе! Дед умер, а бабка моя осталась с шестью детьми на руках. Старший – Василь Матвеевич – резкий, характерный человек, всю жизнь гулял от своей жены Полины. Он всем вечно дарил на праздники валенки и платки! – Аврора Владимировна все больше и больше увлекалась историей своей семьи. То, что наша героиня сейчас рассказывала совершенно незнакомому человеку, которого ни разу в жизни не видела, она не излагала еще никому. Ее приятельницы и знакомые кое-что знали о ее жизни, Арина же с Сергеем Григорьевичем были слишком заняты, чтобы выслушивать в очередной раз воспоминания Дроздомётовой по междугородной связи. – Дальше шла Антонина, – обстоятельно продолжала сочинительница, но Юраша перебил Дроздомётову, задав совершенно неуместный, по ее мнению, и глупый вопрос:

– Куда дальше шла Антонина? Кто такая Антонина?

– Да никуда она не шла! – немного рассердилась Аврора Владимировна. – У моей бабки с дедом после Василия, который всю жизнь всем дарил валенки с платками, родилась дочь Антонина. Что тут непонятного? – возмутилась рассказчица. – Антонина Матвеевна.

– А-а, – протянул Юрий.

– Эта самая Антонина (моя тетка) приехала в Москву и очень удачно вышла замуж за мастера зингеровских швейных машинок – Александра Вишнякова. И уже у них с Вишняковым родилась дочь Милочка, которая стала художницей. Понятно? – спросила она менеджера.

– Понятно.

– Вот и славно! Эта самая Милочка, моя двоюродная сестра...

– Как?

– Что как?

– Почему это она вам сестра?

– Да потому что Антонина с моей матерью родными сестрами друг другу приходились! Вот почему! Вы, Юрий, перебиваете меня! Договорить не даете, посему и понять ничего не можете!

– Извините, пожалуйста, – растерялся тот.

– Милочка все плакаты, помню, рисовала для фабрик и заводов. Вишняков (отец ее) умер от рака пищевода, вслед за ним ушла и Антонина (мать Милочки), – разжевывала Аврора Владимировна. – Бедняжка не смогла пережить такого удара судьбы и скончалась в расцвете сил. После Антонины бабка Авдотья Ивановна родила Павла – своего любимца, неудачника. То есть третьего по счету ребенка. Павел этот, когда возраст подошел, женился на Ирине Карловне – и только у них родилась дочь Виолетта, как его посадили.

– Ужас какой! За что? – опешил Юрий. История Авроры Владимировны, как ни странно, начинала увлекать, затягивать его. Да это и понятно: куда интереснее побеседовать о былой жизни (о которой теперь можно узнать лишь из учебников истории) с умным человеком, каким, несомненно, являлась госпожа Дроздомётова, чем целый день говорить о креслах, тумбах, полках и столах.

– Да на завод, где он работал, кто-то привез прокламации Троцкого. В обед в клуб понабилось битком народу. Все стояли и слушали. И всех их осудили как политических. Павла на десять лет сначала, но отсидел он ровно восемнадцать.

– Ужас-то какой! Это почему же?! – проникся Юрий и вдруг представил себя на месте любимого и самого неудачливого сына бабки Авроры Владимировны – у него даже испарина на лбу выступила. – Лид! Да подожди ты! Не видишь, я с клиентом разговариваю?! – отмахнулся он от навязчивой низкорослой коллеги своей.

– Такие времена были, – философски проговорила Аврора Владимировна. – Но Ирина Карловна (жена дяди Павла), надо отдать ей должное, супруга дождалась. И потом они жили счастливо. Отвоевали шесть соток в Подмоскovie, построили там дом с летней кухней и

туалетом. Виолетта (их дочь) вышла замуж за автомеханика Андрея Михайловича Дробышева и родила от него Людку – отвратительную девку – она на шесть лет моложе меня.

– Какую Людку? – снова невпопад спросил Юрий.

– Как – какую? – опешила Дроздомётова. – Девку, говорю, отвратительную, она мне племянницей приходится, а Виолетта сестрой, потому что она – Виолетта эта – дочь Павла (родного брата моей матери) и Ирины Карловны, той самой, которая дождалась его из лагерей.

– А-а-а! Стало быть, Авдотья, как ее...

– Иванна!

– Точно, точно, Иванна родила Павла, тот женился на Ирине Карловне и родил Виолетту. Виолетта вышла замуж за автомеханика... Как его...

– Андрея Дробышева, – помогла менеджеру Аврора Владимировна.

– И у них родилась отвратительная девка – Людка, ваша племянница...

– Молодец, Юраша! – похвалила его Дроздомётова.

– Слушайте, да у вас прямо как в Библии: Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова, Иаков родил Иуду...

– Юр, а у тебя что, по-другому? Ты сам, что ли, себя родил? У тебя что, нет генеалогического древа? – возмутилась Аврора Владимировна. – Родословная – это вещь тонкая, запутанная, но интересная. Неожиданная к тому же! Вот сейчас назову какого-нибудь своего дядьку, а ты скажешь – а не тот ли это, который в семьдесят девятом году собирался в Америку бежать? Я скажу: мол, он и есть, и окажется, что мы с тобой, Юрий, родственники! – выпалила Дроздомётова и сама удивилась своей мысли. – Но у меня из родни никто в Америку бежать не собирался.

– А ведь и правда! – призадумался менеджер. – Может, мы с вами и в самом деле родственники?

– Тогда, Юраш, ты мне стол должен продать по закупочной цене! – захохотала Дроздомётова и продолжила свое повествование: – Так вот, семья дяди Павла неплохая была, но жадные они все до невозможности! После Павла Авдотья Иванна родила наконец мою мамашу – Зинаиду. Но о ней отдельный разговор – ее, мать мою, мы оставим на десерт.

Вслед за ней на свет появился Иван – пятый по счету. Несчастный человек! Провоевал на фронте около шести месяцев, но врал, что прошел всю войну. Он был нечаянно подстрелен своим товарищем – рядовым Быченко из винтовки Мосина. Дядю Ваню, конечно, демобилизовали. И вся его трагедия состоит в том, что он мечтал сорвать фашистское знамя с рейхстага, в то время как получил ранение в самое мягкое место! Да! Вы не представляете, как он страдал! Очевидно, пуля задела какой-то важный нерв или позвонок, и его комиссовали. Пять лет сидеть не мог! Но его жена Галина Тимофеевна...

– Так он был женат?! – отчего-то удивился Юрий.

– Конечно! На этой самой Галине Тимофеевне, которая всю жизнь проработала химикой в школе – преподавала химию в старших классах. Если б ты только, Юраш, знал! Ей ученики (мальчишки, конечно) проходу не давали! Табунами ходили! Ухаживали за ней всячески, подарки дарили! Уж не знаю, чем она там с ними занималась на факультативных занятиях, но то, что моя родительница застукала Галину Тимофеевну с моим отцом на бабушкиных поминках в весьма, весьма пикантный... ах, да что уж там пикантный – просто-напросто кульминационный момент сексуального наслаждения, мне доподлинно известно.

– Прямо на поминках? – поразился Юрий – теперь его ухо присосалось к телефонной трубке, как навесная мыльница к стене. – Невероятно!

– Представьте себе, на поминках, – подтвердила Аврора Владимировна как нечто само собой разумеющееся. – Так вот, Галина Тимофеевна к ранению мужа отнеслась благодушно, то есть оно не смутило ее, и родила ему дочь Любашку – мою двоюродную сестру, кото-

рая старше меня на шесть лет. Вообще, что мамаша, что дочь не отличались целомудрием. Любаха, к примеру, отбила у меня Славика, когда мы отдыхали на море. Тот влюбился в меня, а я была еще несовершеннолетняя... Ну и кузина моя тут как тут – мужика совратила, забеременела от него и родила Димку. Славка, конечно, как порядочный человек, женился на ней, но через год сбежал.

После Ивана Матвеевича родилась Екатерина (самая младшенькая), и мой дедушка Матвей Терентьевич умер. Тетя Катя была особой легкомысленной – обожала красное крепленое вино и своего дурака Леньку Дергачева. Они так скандалили! Так скандалили! До драк дело доходило! Ревновали друг друга, как два идиота! Потом помирились и Екатерина обычно забеременевала. Детьми она занималась мало – то сдавала их в детский дом, то обратно забирала... А однажды стибрила у моей мамашки единственный серый костюм, в котором та ходила на работу. О какая была!

– Прямо Сонька Золотая Ручка какая-то! – высказался Юрий.

– Ну до Соньки-то ей далеко! А что касается моей родительницы, то она вслед за своими братьями и старшей сестрой приехала в Москву из Харино совсем девчонкой, поселилась у Антонины, той самой, которая очень удачно вышла замуж за Александра Вишнякова...

– Мастера зингеровских швейных машинок? – уточнил Юрий.

– Именно! – Аврора Владимировна обрадовалась, что молодой человек внимательно следит за ее несколько витиеватым и сбивчивым рассказом. – Приехала, значит, мамаша-то моя и поступила работать на вагоноремонтный завод. Там встретила своего первого мужа – Виктора Кошелева. И только они поженились, как началась война. В сорок первом мама получила похоронку, и в том же году родился мой брат-придурок Геня. Шло время, война закончилась, и почти все семейство переехало из деревянного дома неподалеку от «Яра» в маленькую комнатку коммунальной квартиры. Там жили моя мама, бабушка, Геня, – Аврора Владимировна старательно загибала пальцы, дабы не сбиться со счета, – Иван с женой и Любахой, да еще Екатерина периодически скрывалась там от своего Дергача ненормального. Бабка спала на столе, тетя Катя на сундуке, кто на полу, Геня на дореволюционном диване с клопами...

– Во жизнь-то была! – развесил уши Юрий. – Такое ж в кошмарном сне привидится, и не проснешься!

– Да! Так почти все после войны жили. А мамаша моя окончила бухгалтерский техникум и перешла работать с вагоностроительного на часовой завод кассиром. Вот там-то она и познакомилась с моим отцом – Владимиром Ивановичем Гавриловым. Он служил библиотекарем при заводе. Мамаша долго не подпускала его, сомневалась, считая невозможным и нереальным привести Гаврилова в перенаселенную комнатку – ведь у отца-то тоже своего угла не было. И потом, он младше ее был на десять лет... Но после инцидента на профсоюзном собрании она поняла, что любит его без памяти, и в конце концов сдалась.

– А что за инцидент-то? – с нескрываемым любопытством спросил Юрий.

– Моя родительница была не только кассиром на часовом заводе, но еще и активным членом месткома. В тот роковой день почти все сотрудники сидели в актовом зале – мамаша вещала с трибуны. Она распределяла путевки на Черноморское побережье. На собрании творилось ужас что! Путевок было десять, а желающих отдохнуть – сорок человек. И когда накал страстей достиг своего апогея, двери актового зала распахнулись, и внутрь на четвереньках вполз мой папаша. Он елозил на карачках по рыжему паркету, неумолимо приближаясь к объекту своей любви. Из рта у него шла пена. Все подумали, что он эпилептик, хотели «Скорую» вызвать, потом чуть не побили его, потому как решили, что он использует свою болезнь с целью получения путевки. Но отец почти дополз до моей мамашки, она бросилась к нему навстречу, он припал к ее пышной груди, и оба в тот момент ощутили неземное блаженство. Пена, которая обильными шматками стекала на материн серый костюм,

оказалась обыкновенным хозяйственным мылом – он специально разжевал его, чтобы ее разжалобить. В тот день мать приняла решение и все-таки привела Гаврилова к себе домой. А через три года появилась я, – сказала Дроздомётова. Она, конечно же, много чего опустила в своем рассказе. К примеру, не поведала менеджеру о внешности Владимира Ивановича – о том, что он отличался роскошной шевелюрой – вьющиеся иссиня-черные волосы в сочетании с выпуклыми, черными же, необыкновенно выразительными глазами делали его похожим на демона с картины Врубеля. Ни словом не обмолвилась о его характере. О том, что Гаврилов был взбалмошным до идиотизма холериком и психопатом, состоящим с тридцати девяти лет на учете в психдиспансере, что периодически лежал в самых разнообразных клиниках для душевнобольных, причем по собственному желанию: сделает спьяну какую-нибудь непостижимую гадость и бежит к врачу – помогите, обострение, мол, ничего не могу с собой поделать! Она утаила и то, что отец ее страдал нервным тиком, который в молодости не был столь сильно развит и воспринимался просто как не слишком красивая привычка делать пять-шесть мелких плевков через каждые пятнадцать-двадцать минут, будто он пытался отделаться от прилипшего к языку волоса или откушенного заусенца. Что с возрастом плевки стали смачнее и чаще, правая часть торса при этом стала непроизвольно сотрясаться, а рука (тоже правая) дергалась и уверенно постукивала то по коленке, то по столу, а иной раз и по чужой ноге, будто в подтверждение этих самых плевков. Звучало это приблизительно так: «Т-п, т-п, т-п, т-п, т-п! Тук, тук, тук, тук, тук». И, наконец, о том, что Гаврилов был непроходимым бабником и скандалистом, что, собственно, и послужило причиной развода супругов. Но несмотря на расставание, Зинаида Матвеевна с Владимиром Ивановичем встречались до конца дней своих, держа этот факт в строжайшем секрете. Об их связи стало известно лишь после смерти обоих из писем, которые они хранили в одинаковых жестяных коробках из-под конфет.

Аврора Владимировна хотела было завершить рассказ на моменте своего рождения, но Юрий спросил с интересом:

– А что дальше-то было? – И тут Дроздомётова окончательно поняла, что у нее несомненный мощный талант писателя. – Вы родились и что?

– Поначалу мы все жили в коммуналке. Геня (мой сводный брат) поддался дурному влиянию и попал в скверную компанию воров-малолеток. Сперва он, наверное, это назло матери делал. Ну, за то, что та привела моего папашу, а потом втянулся незаметно... И говорил он так чудно, – вроде на русском языке, а ничего не поймешь. Потом родители развелись, и мы переехали в двухкомнатную квартиру (тут, конечно, не обошлось без доплаты); с папашей я стала видаться по выходным.

В новой школе у меня появился друг – одноклассник. Такой мальчик! Прелесть! Просто слов нет! Мы долго с ним дружили, но он уехал в Мурманск, и я больше никогда его не видела. На прощание он подарил мне фигурные коньки... – с грустью проговорила она. Даже теперь, спустя много лет, Аврора Владимировна уверена на все сто процентов, что Вадик Лопатин и был тем единственным, неповторимым мужчиной, созданным именно для нее и ни для какой другой женщины. – После Вадика у меня была любовь с Костей Жаклинским. Он приехал в Москву из Саратова и попал в наш класс. Костик был просто помешан на голубях. Помню, как мы строили с ним голубятню посреди поля – вернее, это он строил, а я сидела на изодранном стуле под зонтом и слушала его истории о птицах. Долго мы с ним продружили, но расстались. – И наша героиня вспомнила тот страшный вечер, когда ее окружила толпа распаленных, подвыпивших парней и как Костя улизнул якобы по нужде, выждал время и вернулся, когда Аврора была уже в безопасности – одним из архаровцев оказался давний кореш брата Гены, он узнал ее и спас. Вспомнила, как Жаклинский втайне от нее расхаживал в обнимку с Женькой Петюкиной – девицей из параллельного класса, отличающейся редким для ее возраста и того времени легким поведением в общении с противо-

положным полом. И сейчас, как в юности, Аврора вдруг почувствовала неприятный осадок в душе, подобно горькому послевкусию от едкого, ядреного, вызывающего слезы лука. – На то были свои причины, – коротко сказала она, не вдаваясь в объяснения – почему да как она рассталась с Жаклинским. – У Костика был друг – Юрка Метелкин, первый хулиган нашей школы. Так вот Костя, уезжая отдохнуть после окончания школы к бабке с дедом в Саратов, попросил его присмотреть за голубями и за мной. И тот присмотрел. Влюбился в меня – я тоже полюбила его без памяти.

И вот я, вся такая влюбленная и окрыленная, уехала отдыхать на море с дядей Ваней, Галиной Тимофеевной и Любахой, а пока я купалась и загорала, мамаша подала мои документы в швейное училище, и весь год Юрка встречал меня возле него. Отработает ночную смену на станкостроительном заводе и в три дня уже ждет меня. Мама с Геней были поначалу очень против него настроены, но потом я забеременела и все-таки вышла за твоего тезку! Так-то!

– Ах! Так этот Метелкин и есть мой тезка! Понятно, понятно! А дальше что? – не унимался Юрий. – Что дальше-то было?

– А дальше? Вот стол мне привезете – и будет вам дальше! – воскликнула Аврора Владимировна и, попрощавшись с любопытным менеджером, положила трубку.

Спустя два дня Дроздомётова вальяжно сидела в кресле (в той же самой позе, что и знаменитая сочинительница любовных романов) и, положив руку на необъятную поверхность стола, ощущала себя не иначе как главным писателем если не мира, то уж России точно. Наконец она взглянула на экран ноутбука и решила, что пришло время продолжить свой грандиозный труд.

– На чем это я остановилась? Так, так, так... – И Аврора Владимировна сосредоточенно перечитала первую страницу второго тома своих мемуаров, лицо ее озарилось довольной улыбкой, но через секунду помрачнело, приобрело злобное выражение. Дело в том, что главная писательница России вспомнила об основной загвоздке – о том самом чисто техническом литературном вопросе, не решив который она не сможет двигаться дальше. А именно: как ненавязчиво и не утомляя многоуважаемого читателя, пересказать в новой книге содержание предыдущего тома?

– Тьфу! – плюнула она в сторону от нового стола, выругалась, и вдруг совершенно неожиданно ей в голову пришла поистине гениальная идея. Таким образом, ее теория относительно того, что ежедневная плитка шоколада способна сделать из обыкновенного мальчишки первоклассного шахматиста, а дорогой настоящий письменный стол для руководителей из самой заурядной женщины – великую романистку всех времен и народов, сработала.

Наша героиня ни на йоту не сомневалась, что именно стол помог ей выйти с честью – достойно и оригинально – из той заковыристой литературной ситуации, в которой она вдруг оказалась, взявшись за второй том мемуаров. И вместо того чтобы подробно излагать содержание первого романа, она назвала второй вызывающе настоятельно, требовательно, кричаще даже, однако заглавие это, по крайней мере, не вводило многоуважаемых читателей в заблуждение. Аврора Владимировна назвала будущее творение: **«Купите мою предыдущую книгу!!!»** Потом, повнимательнее взглядевшись в заголовок, удалила слово **«предыдущую»**, поскольку оно показалось ей корявым, шепелявым, короче говоря, неподходящим, и в восторге от себя самой принялась очень подробно описывать годы, когда ее мужа, восемнадцатилетнего Юрия Метелкина, призвали в ряды Советской армии. О чем она тогда думала, чем жила, какие письма писала любимому (даже пару из них воспроизвела в памяти и привела в тексте как образец), как специально ходила в фотоателье, отказываясь от услуг отца – фанатичного фотографа-полупрофессионала, и щелкалась для обожаемого Юрашки и т. д. и т. п.

На этом месте автор, с позволения достойного читателя, оставит Аврору Владимировну наедине с ее текстом и новым столом и продолжит повествование самостоятельно, лишь изредка сверяя факты и события из жизни своей героини, незаметно просачиваясь в ее мысли и воспоминания. И так же как в первой книге, самые интересные, забавные и ключевые из них будут отфильтрованы, сгруппированы, обработаны и занесены в конце концов по порядку в нижеследующий том.

* * *

Итак, в прошлой книге мы остановились на том, как беременная, счастливая Аврора вышла из загса под руку с не менее счастливым и довольным законным супругом – Юркой Метелкиным, бывшим двоечником и главным хулиганом школы. Гости радовались, улыбались, смеялись, отчего показались тогда нашей героине самыми замечательными людьми в мире.

Однако свадебная эйфория прошла очень быстро – стоило только Авроре поселиться в семье мужа, которое до бракосочетания казалось ей почтенным, уравновешенным и в отличие от собственного не скандальным, а чрезвычайно спокойным.

Только когда она с головой окунулась в жизнь тихой заводи метелкинской квартиры, именно это спокойствие и невозмутимость, граничащие с равнодушием, ее обитателей стали сначала раздражать нашу героиню, а впоследствии, когда Юрия призвали в армию, попросту сводить с ума.

Каждый новый день тут был совершеннейшей копией предыдущего, никаких новостей, взрывов эмоций, радости, даже негодования – ничего этого не было в новой семье.

Утром Ульяна Андреевна и Алексей Павлович – родители Метелкина – медленно и нехотя, словно полусонные осенние мухи, вылезали из постели и начинали столь же неторопливо собираться на работу (служили они оба на кондитерской фабрике). Ульяна, накинув рваный замызганный халат, шаркая тапками, отправлялась на кухню пить холодный чай (она была настолько ленива, что ей в тягость было даже поставить чайник на плиту) с ворованным зефиром. Алексей, сидя на кровати, долго не мог разлепить веки, промаргивался, ковырял толстым мизинцем сначала в одном ухе, затем неспешно переходил ко второму, после чего, крикнув раз пять, нехотя поднимался и шел в ванную. Оттуда он выходил с блестящими глазами, весьма довольный наступившим утром и собой, и присоединялся к незатейливому Ульянинному завтраку.

– Тьфу! Опять в ванной был! – без злобы, раздражения, просто констатируя факт, говорила она.

Алексей Павлович, казалось, совсем не слыша ее замечания, принимался монотонно рассуждать на свою любимую тему – о смысле жизни.

– Вот все говорят, – затягивал он, – что человек живет и не знает, зачем он живет. И все мучаются, бьются над этой, так сказать, проблемой...

Ульяна Андреевна смотрела на него в такие моменты, как на дурака, часто моргая, собрав губы в малюсенькую точку, которая будто бы завершала ее мысль об идиотизме своей второй половины.

– А я вот знаю, в чем смысл жизни! – хвастался он. – Потому что нет никакого смысла! Это сам человек выдумал о каком-то смысле! – хитро стреляя глазками по грязным, засаленным стенам кухни, говорил он. – Человек ведь существо глупое – ему надоть все время мучиться. Вот он и мучается, гадая, в чем смысл жизни? А нетути никакого смысла. Ногами в состоянии перебирать – вот он и весь ваш загадочный смысл!

– Зачем по утрам в ванную-то ходишь? Дурень! – безэмоционально вопрошала Ульяна Андреевна.

– Уже, того-этого, глаза продрали? – спрашивал Парамон Андреевич. Каждый день именно в этот самый момент, после вопроса младшей сестры о том, зачем ее супруг ходит в ванную по утрам, дядя Моня появлялся на кухне с портновскими ножницами в руках, держа их как свечку в церкви. Это был тщедушный мужчина маленького роста (приходился сестре по плечу) шестидесяти семи лет. Он вечно ходил по дому в косынке, завязанной концами назад, в длинной холщовой рубашке по колено, смахивающей на ночную сорочку, из-под которой виднелись поносно-коричневые отвисшие «коленки» вконец изношенных тренировочных штанов. Если же в семье был какой-то праздник или ждали гостей, Парамон Андреевич освежал свой неказистый наряд яркой алой лентой, неизменно перекинутой от левого плеча к правому бедру вокруг неразвитой, ссохшейся какой-то грудной клетки. – Я тоже чайку, этого-того, похлебаю, – докладывал он и пристраивался на ящике с картошкой. – Сегодня осталось три простыни отстрочить и, того-этого... – делился он, разгрызая рафинад единственным передним зубом. Удивительно, но в любой день, какой ни возьми, Парамону Андреевичу оставалось отстрочить всего три простыни и «того-этого».

Жизнь метелкинской семьи напоминала Авроре званое сумасшедшее чаепитие у Сумасбродного Шляпника из сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес».

Побродив по квартире, супруги наконец уходили на работу, а дядя Моня садился за швейную машинку у окна и строчил, строчил, строчил... Казалось, он был рожден лишь для того, чтобы сделать в своей жизни один нескончаемый шов и обмотать им несколько раз земной шар – в этом он видел тайный смысл своего существования.

Когда наша героиня училась на втором курсе швейного училища, она не так остро переносила этот монотонный, давящий, буквально губительный образ жизни нового семейства. Хотя после бурных проводов мужа в армию она сразу ощутила дикую пустоту как в квартире Метелкиных-Пеньковых (Пеньков – фамилия Парамона Андреевича и девичья Ульянина), так и в своей душе. Однако учеба и общение с единственной верной подругой и сокурсницей Тамарой Кравкиной – чрезвычайно упрямой девицей с телячьим взором рыбьих глаз, которая и на втором курсе, сохраняя поистине болезненную верность Авроре, встречала ее каждое утро на остановке и буквально ловила у троллейбуса, для чего выезжала из подмосковного города Видное на полчаса раньше, – развлекали и отвлекали нашу героиню от повседневных серых будней. Более того, Кравкина настолько вошла в интересное положение подруги, что, казалось, сама забеременела. Тамара бегала в ближайший от училища магазин за глазированными сырками, «холодком», а иногда и томатным соком в стеклянных литровых банках для Авроры. Очень скоро Аврора не мыслила себе жизни без преданной и отзывчивой Кравкиной и так приросла к подруге сердцем и душой, что проводила с ней все свободное время.

Тут ваша покорнейшая слуга вынуждена переключиться на близких Авроре Владимировне людей, отступить, так сказать, от наиважнейшей, основополагающей, центральной линии sentimentalной прозы – а именно темы любви главных героев – по той простой причине, что один из них служил в армии, другая – вынашивала в своем чреве его ребенка. О какой всепоглощающей страсти тут может идти речь?! Отношения между возлюбленными развивались исключительно в письмах друг к другу, которые были довольно однообразны и скучны: «Я тебя люблю! Я скучаю! Жду! Ночами не сплю!» и т. д. и т. п. А родственники героини нам пригодятся! О! Как они нам еще пригодятся! Поверьте, было бы неразумным со стороны автора терять их из виду!

Что касается Аврориной матери (Зинаиды Матвеевны Гавриловой) – она с беременностью дочери как-то заметно поухлила, помрачнела, погрустнела. Ее роман с бывшим супругом, отцом нашей героини (Владимиром Ивановичем Гавриловым), ранее то угасающий, то воспламеняющийся с новой силой, заглох, похоже, окончательно. И на это была довольно веская причина.

Дело в том, что Владимир Иванович вскоре после свадьбы дочери выкинул очередной безумный фортель в своем духе – он ведь и дня прожить не мог, чтобы не напакостить и не сцепиться с кем-нибудь. События, которые последовали за его подарком Клавдию Симоновичу Люлькину (бывшему начальнику, заведующему фотосекцией ГУМа), не только обрадовали, умиротворили и удовлетворили гавриловские амбиции. И если Владимир Иванович три дня и три ночи своего отпуска где-то в низовьях Волги потратил на то, что, сидя в засаде, с невероятным энтузиазмом и упорством охотился на жирных лягушек оливкового цвета с темными пятнами наподобие родинок с целью преподнести сих бесхвостых земноводных в коробке, обернутой золотистой бумагой, перевязанной голубой атласной лентой, в день шестидесятилетия ненавистному начальнику, то теперь он просто заболел подобными паскудными подарками. Все произошедшее вдохновило и воодушевило его на новые лихие и бездумные подвиги. Это и понятно. Вместо того чтобы с треском уволить Аврориного отца, на заслуженный отдых отправили гермафродита Люлькина, а наш орел благодаря своей хитрости и дипломатии занял пост бедного Клавдия Симоновича. Ну как после такого не зажечься, как не почувствовать подъема духа и прилива энергии?! Стоило кому-то погладить Гаврилова против шерсти, как тот начинал фантазировать да размышлять, чего бы такого интересенького преподнести обидчику по случаю ближайшего праздника.

Лишенный последней ежеквартальной премии по причине невыполнения плана, поставленного государством перед фотосекцией, Владимир Иванович затаил злобу на заместителя директора крупнейшего магазина столицы – Федора Карповича Кукурузина – и направил все свои недюжинные силы и способности на восстановление справедливости и уплаты (пусть с опозданием) денежного вознаграждения за праведный и самоотверженный труд (свой и сослуживцев). Напомню, что Аврорин отец патологически не выносил несправедливости в особенности по отношению к собственной персоне.

Гаврилов, подмазавшись к «девочкам» из отдела кадров, узнал, когда у злопыхателя день рождения, и решил подготовиться к этому событию тщательнейшим образом. Идею с лягушками он отверг сразу. Слишком уж тяготно с ними – сначала наловить нужно, потом еще мухами их корми... К тому же как пить дать в декабре все они пребывают в состоянии зимней спячки. Где ж их сыскать? Он подумал было о тараканах – этих-то Гаврилов мог без проблем наловить целую коробку у дочери, в квартире Метелкиных, – их там, особенно на обдрызганной кухне, было пруд пруди! – и через две недели поставить у двери «новожденного» Кукурузина. Но за время передержки возникала опасность распространения прусаков в собственном доме. Поэтому, поразмыслив два дня над этим вариантом, Гаврилов бесповоротно отверг его. Пару дней он разрывался между дохлой кошкой и убиенным из рогатки голубем, которых вот уж второй день видел безмятежно лежащими у помойки. На третий – его озарило! Он придумал для Федора Карповича подарок тонкий, изощренный, со смыслом... Мысль о таком подарке не всякому в голову придет, уверяю вас!

И на четвертый день Владимир Иванович решился воплотить свою смелую идею в жизнь – не жалеть на это ни денег, ни времени.

После работы (в три часа пополудни) Гаврилов отправился на Калитниковское кладбище. Постояв на могиле матери, он вкратце рассказал ей о своей несчастной, одинокой жизни. О том, что дочь Аврора вот уж на седьмом месяце беременности. Что она в какой-то мере предала его, поменяв великолепную, красивую русскую фамилию на дрянную и паскудную (он так и сказал – паскудную, мол, и дрянную) – Метелкина, и что род их, вероятнее всего, на нем, Владимире, и остановился, потому как его потомки только и будут всю жизнь заниматься тем, что менять фамилии, а если и нет, то навсегда останутся Метелкиными.

– А мне что от этого? Мать! Ты сама-то посуди? Т-п, т-п, т-п, т-п, т-п! – нервно сплюнул он, постучав костяшками пальцев по чугунной ограде: тук, тук, тук, тук! – Вот такие дела! Зинка, лярва, спать со мной спит, а жить не желает – Геню своего как огня боится! Падлу эту!

Так-то, мать! Не удалась судьба у твоего сына! Зря ты его, видать, на белый свет воспроизводила! Зря, выходит, рожала мучаясь! Пустая у него жизнь вышла! У сына-то твоего! А что впереди? Что? – с наигранной патетикой возопил он на все кладбище и, опустив очи долу, на печальном выдохе молвил: – Недолго мне осталось! Скоро лягу рядом с тобой в сырую землю и упокоюсь с миром под березкой! – Гаврилов смахнул со щеки скупую мужскую слезу и, суетливо посмотрев на часы, прокричал так, что, наверное, мертвых перебудил: – Ну, пора мне, мать, пора! Долг зовет! Т-п, т-п, т-п, т-п, т-п. Тук, тук, тук, тук, тук! – И он, отбив напоследок мелкую дробь по плакучей березке, опрометью пустился к ритуальной конторе.

Влетев в низенькую темную комнатку, которая отчего-то Гаврилову напомнила гроб, он огляделся и, увидев человека, что сидел за столом у маленького решетчатого окошка, завопил в возбужденном неистовстве – весь его лиричный настрой после монолога у могилы матери будто рукой сняло:

– Вы делаете на заказ венки? Мне нужен большой венок с надписью!

– У нас есть венки из искусственных цветов, есть венки из живых цветов, которые мы делаем на заказ, но это дорого. Есть искусственные венки, которые мы тоже делаем на заказ, учитывая пожелания клиента. Можем написать на ленте стандартный текст, например: «От родных и близких». Можем учесть пожелания клиента и сделать ленту с его собственными пожеланиями покойному... – монотонно, растягивая слова, как слабую резинку от трусов, расставляя «пожелания», как капканы, из которых не выбраться, словно обмазывая собеседника приторным, тягучим медом, затуманивая ему мозги, навевая сон – сон глубокий, почти вечный, говорил работник ритуальной конторы. Так что Владимир Иванович в первые минуты и вовсе забыл, с какой целью он приехал на кладбище и зачем, в частности, зашел сюда. Странное оцепенение охватило его, а голова стала пустой-пустой, настолько безмысленной, что он даже не удивился – о каких это пожеланиях глаголет маленький человечек с маслеными, умиротворенными глазками, съехавший со своего стула под стол так, что виднелась одна лишь его блестящая лысина.

И тут в одно мгновение Владимир Иванович словно сбросил с себя всю эту обволакивающую и потустороннюю тягучесть, вскинул голову и, уставившись на ритуального работника своим характерным цепким взглядом, который говорил: «Хе, да я о тебе все, шельмец, знаю! Все твои грешки, желания да пороки насквозь вижу!» – прокричал:

– Вот только не надо мне мозги пудрить! Нечего меня гипнотизировать! Я те не жмурик! Я живой человек!

– Да-да, я это понял, судя по тому, что вас не внесли сюда вперед ногами! Я понял, – равнодушно заметил «гипнотизер».

– О! Да ты, я вижу, философ! Т-п, т-п, т-п, т-п, т-п! Тук, тук, тук, тук, тук. Но шутки в сторону! Мне нужен искусственный венок среднего размера для безвременно ушедшего из жизни Федора Карпыча Кукурузина, моего начальника. Самый дешевый и страшный, с желтыми цветами! – высказался Гаврилов – он знал, что заместитель заведующего крупнейшим магазином Москвы больше всего на свете не любит желтых цветов. Федор Карпович не переносит, не переваривает и прямо-таки панически боится их из-за случая, произошедшего с ним в детстве. А детские впечатления и страхи, как известно, самые сильные – именно из них в дальнейшем формируются комплексы, мании и фобии.

Феденьке Кукурузину было лет шесть, когда он отдыхал у своей бабки в деревне и, несмотря на предостережения взрослых о том, что после праздника Ильи-пророка в воду не залезает ни один нормальный человек, улучил момент, когда старушка была занята, и сбежал на речку. Раздевшись до синих полосатых панталон, он с разбегу нырнул и быстро заработал ногами и руками – невпопад, по-собачьи, подгребая под себя торфяную буро-кирпичного цвета полупрозрачную воду. Он плыл меж островков уже всю цветущей реки, и душу его наполняло странное смешанное чувство – радости, пожалуй, даже восторга, и

страха, и опасности оттого, что купаться-то уже нельзя, а он сподобился. Тут, конечно, немало важную роль сыграла так называемая свобода выбора – мол, захотел и сделал! Как вдруг будто что-то или кто-то с невероятной силой ухватило Феденьку за ноги и потащило вниз, на самое дно. Он отчаянно работал всем телом – пытался выкарабкаться, пытаясь грести даже подбородком, пробовал кричать, но ничего, кроме глубокого бульканья, не выходило у него. Вода уже попала, просочилась в горло, уши, заполнила носовые пазухи, но ему так хотелось спастись – он настолько близко ощутил присутствие собственной смерти, что, пребывая в панике и смятении, сумел осознать: не приложи он сейчас усилий – и не увидит никогда ни неба, ни лесов, ни полей, ни родных, ни бабкиного дома. И это самое чувство острой опасности и безысходности придало ему неожиданно такую недетскую силу, настолько мобилизовало все его возможности, что мальчик сумел выпутать ноги из цепких губчатых подводных стволов. Феденька вынырнул и первое, что увидел, – это омерзительные, ярко-желтые кувшинки. С того самого момента желтые цветы для Кукурузина являлись своеобразным символом, сигналом опасности и верным признаком близкой смерти, несмотря на то что та давняя история запретного купания практически стерлась из его памяти, оставив после себя лишь след угрозы и панического, необъяснимого для самого Федора Карповича страха.

Сотрудники узнали о негативном отношении своего начальника к желтым цветам после того, как они однажды, то ли на именины, то ли по случаю энного количества лет, отданных службе в центральном магазине столицы, подарили ему роскошный букет ярко-лимонных крупных роз. Федор Карпович, только завидев цветы, повел себя крайне странно, неадекватно даже. Он вдруг заерзал на своем кресле и, схватив со стола газету, буквально вырвал букет у заведующего отделом кожгалантерии. Он даже прикоснуться к цветам побрезговал, а схватил их с яростью газетой, смял, сломал и отправил в урну, переколов все пальцы шипами. Этот факт принял к сведению наблюдательный Владимир Иванович – он всегда обращал внимание на подобные мелочи, поскольку они, эти мелочи, говорят о слабых сторонах человека. А слабые стороны людей для Гаврилова – настоящая слабость. Простите за тавтологию, но иначе не скажешь.

И вот теперь, когда Кукурузин лишил его премии, пришло время этим воспользоваться.

– Вы так не любите своего начальника, что хотите преподнести ему самый уродливый дешевый венок? – вязко проговорил «философ» и ухмыльнулся. Странное дело, но для работника конторы ритуальных услуг покинувшие наш бранный мир были, казалось, вполне живыми людьми – куда реальнее нас с вами. Им можно было чего-то пожелать или, к примеру, преподнести.

– Не твое дело, змий! Тебе говорят, что нужно, – вот и выполняй заказ-то, выполняй! – Владимир Иванович начал выходить из себя.

– Тогда приступим! – важно молвил «змий» и, неторопливо поправив черные нарукавники, вытащил из ящика стола пожелтевший лист бумаги, взял в левую руку шариковую ручку с обгрызенным наконечником, протянул задумчиво, будто неторопливо беседуя с вечностью: – Тек-с, тек-с... Венок средний – стало быть, овал, высота метр десять. Пойдет? – спросил он. Гаврилов, уточнив цену, кивнул в знак согласия. – Центр – желтые цветы типа лилий из тонкой пластмассы. Потом кант, имитирующий зелень, из синеватой пластмассы, потолще. И всю эту красоту венчает широкая кайма желтушных роз из самого толстого пластика. Устраивает?

– Только цветы, цветы чтоб не псивые там, какие-то полинявшие были, а прямо вот знаешь, голубчик, цыплячьего такого тона! Правильно ты сказал – желтушного! – Глаза Владимира Ивановича горели, он настолько был увлечен и поглощен своей идеей, что перестал злиться на человечка с поблескивающей при тусклом свете уходящего декабрьского дня лысиной.

– Теперь побеседуем о ленте. Какую вы хотите: узкую или широкую?

– Широкую, наверное, лучше, – больше текста уместится! – азартно воскликнул Гаврилов.

– Совершенно с вами согласен! Значит, выбираем алую ленту с заказным текстом, – пробубнил ритуальщик себе под нос и что-то нацарапал на пожелтевшем листе бумаги. – Что будем писать? Что желать усопшему? – спросил он и устался на клиента.

Клиент забылся и чуть было не пожелал «усопшему», чтоб тот поскорее сдох, но вовремя одумался и принялся с жаром перечислять то, что бы он хотел видеть на алой атласной ленте.

– Пойдите-ка, пойдите-ка, батенька! Эдак у нас ничего не поместится! – растерялся сотрудник ритуальной конторы.

– Так уместите! Напишите поубористее, сократите слова, наконец! – вылупив глаза, прокричал Гаврилов.

– Тогда никто ничего не сможет прочесть!

– Точно! Эх! Жаль! Столько всего в душе накопело! Ну да ладно: краткость – сестра таланта! Напиши вот что: «Кукурузину Ф.К. от коллектива с любовью в день его смерти». Следующей строкой дай: «Мир праху твоему». Отдельной строкой: «Скорбим и плачем»...

– Вот и все, батенька! Более ничего и не поместится!

– Эх! Жаль! Ну да ладно!

– Буковки черненькие? Беленькие? Печатные или курсив?

– Черные, печатные, чтоб издали видно было!

– Приходите, батенька, через пару деньков... Я так понял, вам не к спеху...

– С чего это ты понял-то?

– А из вашего поведения понял – у меня опыт большой. Ой какой большой у меня опыт! – И ритуальщик с гордостью покачал головой. – Видно, этот Кукурузин-то еще не помер, а только собирается. Но вы все правильно делаете – всегда лучше заранее о таких вещах подумать...

– О каких – таких?

– О вечных! Я, к примеру, себе заранее и земельку прикупил, и памятник, пусть скромненький, но все-таки воздвиг. Каждые выходные хожу, прибираю там – то снежок расчищу, то листики мокрые отлеплю. А как же иначе-то? Вода, знаете ли, батенька, камень точит.

– Все вы, могильщики, чокнутые! – вдруг выпалил Гаврилов и ляпнул: – Смотри, в пятницу приду, чтоб венок готов был, а то у Кукурузина после выходных день рождения! – И вылетел из конторы, оставив лысого маленького человечка в состоянии крайнего недоумения.

В понедельник утром Владимир Иванович отправился на службу в приподнятом настроении с огромной коробкой под мышкой. Он как-то уж больно откровенно и весело отдавливал людям ноги в транспорте, уж слишком нагло распахивал толпу серой коробкой.

Придя на работу, он первым делом ринулся к кабинету заместителя директора ГУМа и, встав за углом, с нетерпением ждал его прихода. Гаврилов то и дело выглядывал из своего укрытия, напевая под нос любимый романс о гроздьях акации. Когда же в коридоре появилась тучная фигура Кукурузина, сердце Владимира Ивановича зашлось в иступленно-восторженном экстазе; оно затрепыхалось еще сильнее, когда Федор Карпович, захлопнув дверь, скрылся в своем кабинете. Выждав минуты две, Гаврилов на цыпочках, не отделяясь от стены, прокрался к двери начальника, раскрыл коробку, вытащил венок цыплячьего цвета «вырви глаз» и, бережно прислонив его к стене, хотел было уже скрыться, как вдруг...

Да! На сей раз Владимира Ивановича постигла неудача! Кукурузину, видите ли, приспичило выйти в коридор именно в тот момент, когда Гаврилов заботливо расправлял при-

мятые при транспортировке желтые лилии из тонкого пластика. Он был застигнут на месте преступления, не успел даже руку убрать от «подарка», как Федор Карпович гаркнул:

– Гаврилов! Что это ты тут делаешь? – гаркнул и опешил. Растерялся, оторопел, потерял на минуту почву под ногами... Гаврилов, не будь дураком, воспользовался этой минутой и полетел вон из магазина. Он бежал по улице 25-го Октября без остановки, без передышки; единственная мысль пульсировала в его воспаленной голове: спастись, спастись и еще раз спастись. Он ворвался в метро и поехал не куда-нибудь, а к своему районному психиатру – только он, Николай Петрович Коротайко, был способен защитить и уберечь его от надвигающейся опасности.

Задышавшись, Гаврилов вломился к нему в кабинет, не обращая внимания на очередь больных, жаждущих помощи в коридоре.

– Спасите! Николай Петрович! Голубчик! Ради Христа! – орал Владимир Иванович.

– Гаврилов! Гаврилов. Сядьте. Успокойтесь. Выпейте воды. Отдышитесь. Что стряслось на сей раз? – спросил Коротайко, импозантный мужчина лет пятидесяти.

– Сам не знаю, Николай Петрович, что со мной такое творится! Т-п, т-п, т-п, т-п, т-п! Тук, тук, тук, тук, тук. Вот хоть режьте меня, не понимаю! Наследственность, что ли, у меня такая х... недоброкачественная... Не знаю! Ну вот вы хоть мне объясните, голубчик, ведь вы меня хорошо знаете!..

– О! Да! Я-то вас знаю оч-чень хорошо! – с готовностью подтвердил доктор.

– Тогда скажите, что со мной творится? Что? – И Владимир Иванович рассказал все в мельчайших подробностях: о том, что Кукурузин лишил его премии, о ритуальной конторе, о венке с желтыми цветами и алой атласной лентой, о цене этого венка и о сегодняшнем ужасном утре.

– Н-да... – задумчиво проговорил Николай Петрович, – случай, аналогичный тому, с лягушками.

– Вот именно! – с горячностью подтвердил пациент. – И что вы на это скажете? Только не молчите! Спасите меня! Положите в клинику подлечиться! У меня совершенно нервы расшатались! А все из-за чего? Из-за Зинки, гниды!

– Ну, в данном случае ваша бывшая жена, я думаю, ни при чем.

– Кто ж тогда виноват, что я такие поступки опрометчивые совершаю?! – изумился Гаврилов.

– Я могу это объяснить следующим образом. Вы преподнесли живых лягушек на юбилей своему начальнику около двух лет назад. Так?

– Так, – легко согласился Гаврилов и тут же принялся оправдывать свой тогдашний поступок, – мол, довел меня этот гермафродит Люлькин, жизни не давал, только и делал, что плевал в мою чистую неискушенную душу и т. д. и т. п.

– Это понятно. Но мы сейчас пытаемся разобраться в другом. Что побудило вас повторить тот поступок – пусть в интерпретированном виде. На сей раз вы преподнесли начальнику не жаб, а, простите, похоронный венок. И лягушки, и ритуальный предмет – все это, согласитесь, неприятно получать в день своего рождения, – анализировал последователь Фрейда.

– А пусть не гадают! Т-п, т-п, т-п, т-п, т-п! Тук, тук, тук, тук, тук. Пусть ведут себя по-человечески! – взорвался Гаврилов.

– Тихо, тихо. Тихо! Я вас не обвиняю, а ищу причину вашего поведения.

– Ага, – Гаврилов кивнул в знак согласия и с лицом херувима уточнил еще раз, спасет ли его доктор или бросит на растерзание диким зверям, которыми он считал своих старших по должности коллег.

– Не беспокойтесь, Владимир Иванович. Я поддерживаю вас в вашем стремлении излечиться от тяжелого недуга, а посему непременно определю вас на месячишко-другой в клинику.

– О, отец родной! Заступник! Благодетель! Ангел-хранитель мой! – вне себя от радости вопил Гаврилов. В конце концов он рухнул перед «благодетелем» на колени и начал осыпать жаркими поцелуями подол его медицинского халата двухнедельной носки.

– Перестаньте, Владимир Иванович! Ну что вы, в самом деле, как дитя малое! Подымитесь, подымитесь, – и Коротайко с трудом усадил взвинченного пациента на стул. – Продолжим анализ.

– Продолжим, Николай Петрович, продолжим, – закивал Гаврилов, смиренно сложив руки на коленях.

– Так вот, когда вы, если можно так выразиться, **подарили** лягушек своему бывшему начальнику, тогда все обошлось. Более того, вы от этого только выиграли и как-то сумели даже занять его место. Ведь сейчас именно вы заведуете фотоотделом ГУМа? – уставившись на пациента проницательным взглядом, спросил Коротайко.

– Да. Я, – с нескрываемой гордостью отозвался Владимир Иванович.

– И окрыленный таким блестящим результатом, вы повторили свою выходку спустя некоторое время, подсознательно надеясь подняться по карьерной лестнице и занять место заместителя заведующего центральным, заметьте, одним из крупнейших магазинов Москвы.

– Ни о чем таком я не мечтал! И в голове подобного не было! – возмутился Гаврилов.

– Это **вам** так кажется, на самом деле сработала определенная модель поведения, использованная вами пару лет назад...

– Я что-то не пойму! Вы определяете меня в больницу или нет? – возмутился Владимир Иванович.

– Можете даже не сомневаться, – заверил его доктор.

Гаврилов снова рухнул на колени и припал к грязному подолу халата Коротайко, выкрикивая то и дело:

– Спаситель, благодетель, отец родной!

– Прекратите, Владимир Иванович! Вы же взрослый человек! Сядьте на стул! – увещевал его «отец родной». – Я ценю, что вы сами в отличие от многих моих пациентов изъявляете желание в кризисные моменты развития болезни подлечиться в клинике. Поверьте, вас только и спасает ваша сознательность, – заключил Николай Петрович, который и мысли не мог допустить, что болезнь его сознательного пациента называется не иначе, как хамство и распушенность.

Уже на следующее утро Владимир Иванович восстанавливал свои расшатавшиеся нервы посредством трудотерапии. Он сидел в светлом зале с выкрашенными белой краской стенами и чугунными решетками на окнах, болтал ногами и сосредоточенно склеивал коробочки.

С каждым годом ему все больше нравилось проводить время в больницах (не обязательно психиатрических – любых) – тут было спокойно, тут можно отдохнуть, поразмыслить над своей стремительно несущейся, бурной, насыщенной женщинами, скандалами, драками и периодическими пьянками жизни. Но главное не это, а то, что в клиниках и больницах, помимо того что лечили, еще и кормили бесплатно – поэтому все затраты, будь то похоронный венок или еще что, окупались с лихвой, и это экономило скромный бюджет одинокого Владимира Ивановича. А то как бы Гаврилов выменял свою комнату в коммуналке у метро «Семеновская» на однокомнатную квартиру неподалеку от Царицынского парка?

Напротив Гаврилова сидела женщина из другого отделения, которую тоже усадили клеить маленькие картонные коробочки, надеясь, что сей труд значительно улучшит ее кататрофическое состояние, вызванное обострившейся наследственной шизофренией.

Она уже давно ничего не делала, а наблюдала за Гавриловым – тот, механически собрав со смаком одну заготовку (Владимир Иванович клеил дурацкие коробочки подобно тому, с каким соблазнительным аппетитом некоторые люди едят, так что окружающие, глядя на них, невольно присоединяются к трапезе), думал о дочери. О том, что его Аврора попала не в ту семью, в которой действительно достойна была бы жить, и фамилия Метелкиных тут совершенно ни при чем. Дураки они все какие-то, думал заботливый папаша. Лешу этого полумного хотя бы взять – только и знает, что о смысле жизни рассуждать – ни одной книжки не прочитал, а разглагольствует. Улька такая же недалекая женщина, как Зинка, только еще ленивая неряха вдобавок. А о Парамоне и вообще говорить нечего – вот по ком уж точно психушка плачет!

– Мужчина, у вас столько заготовок! Не поделитесь крышечками? – обратилась к нему женщина, страдающая наследственной шизофренией.

– Не поделюсь! – злобно буркнул тот, вспомнив о скорых родах дочери.

– Какой вы, мужчина, жадный! – разочарованно протянула она.

– Какой есть! – отмахнулся от нее Гаврилов, словно от навязчивой мухи, как вдруг мысли о метелкинском семействе, об Авроре и ее беременности рассыпались, подобно чечевице из прорвавшегося мешка, собирать которую не было никакого смысла – лучше вымести веником и выкинуть. Что, собственно, и сделал Владимир Иванович – вымел все мысли об Авроре в дальний уголок мозга – своеобразную помойку, где до поры до времени хранились все ненужные думы. Некоторые из них иногда выуживались как нечто ценное, по ошибке выброшенное.

– Ох! А вы еще, оказывается, и грубый какой! – не унималась женщина. Да что с нее взять? Больной человек.

Недаром писал Блез Паскаль в своих гениальнейших «Мыслях» о могуществе мух: «Они выигрывают сражения, отупляют наши души, терзают тела», ведь человек – слабейшее из творений природы, и разум его маломощный и расслабленный: каких невероятных усилий стоит ему порой сосредоточиться, сконцентрироваться на чем-то, а внезапно пролетевшая муха разрушает своим жужжанием все возведенное с таким трудом здание построенных мыслей.

Этакой мухой для Владимира Ивановича тем роковым декабрьским утром явилась женщина, сидящая напротив него, с буйной, кудрявой, безудержно растущей шевелюрой цвета асфальта после дождя, клокасто подстриженной, с небольшими глазками того же оттенка, то лихорадочно шныряющими по углам, то неподвижными, отрешенными и пустыми. С темными, слишком густыми бровями, которые росли какими-то пучками, напоминая наросты «детенышей» на кактусе. Три таких же волосатых «детеныша» были непроизвольно разбросаны возле губ, а нос... Ну на ее носе стоит, пожалуй, остановиться и поговорить поподробнее, поскольку такой (или хотя бы похожий) нос читатель вряд ли встретит, просто прогуливаясь по улице, торопясь на работу или толкаясь в вагоне метро. Насколько известно автору, таких носов всего три – у самой вышеописанной пациентки клиники, у ее матери Варвары Прокофьевны и у ее двадцатидвухлетней дочери Надежды Олеговны. По носу можно было узнать их всех троих спустя многие годы, даже в глубокой старости. Нос – это визитная карточка их семьи.

Часто говорят – у нее (или у него) утиный нос. Сказать, что у женщины с обострившейся шизофренией – утиный нос, значило бы не сказать ничего, ну или двадцать процентов правды. А разве правда может быть двадцати– или пятидесятипроцентной? Вот сто двадцати, сто тридцати – это еще куда ни шло! Это я понимаю!

Итак, у не слишком прекрасной незнакомки орган обоняния по форме своей (да практически и по размеру) был точной копией утиного клюва: нос ее самую малость суживался к

концу – ширина у вершины его раза в три превосходила ширину раздваивающегося, подобно венецианской впадине, кончика.

Портрет довершали пересохшие, покусанные губы. Когда их обладательница говорила, они напоминали огромную яму, куда при первом взгляде на нее Владимиру Ивановичу отчего-то необычайно сильно захотелось плюнуть. Плюс неправильный прикус, особо заметный при сомкнутых челюстях, – нижние зубы далеко заезжали за верхние, отчего, хоть и «срубленный», неполноценный подбородок ее казался несколько тяжеловатым и массивным.

...Взглянув на болящую во второй раз, Гаврилов вдруг рассмотрел в ней женщину. Как упоминалось выше, Владимир Иванович был неисправимым бабником и волокитой, к тому же имел поразительную способность в каждой представительнице противоположного пола рассмотреть нечто прекрасное, присущее только ей и больше никому. В женщине-мухе он умудрился понять и осознать ту красоту, которая заключалась, собственно, в ее поразительном уродстве.

– Девушка, а девушка, а от чего вы тут лечитесь? – оживился Гаврилов, хитро, с прищуром глядя на сорокалетнюю «девушку». Посмотрел тем присущим ему цепким взглядом, говорящим: «Хе, да я о тебе все, шельма, знаю! Все твои грешки, желания да пороки насквозь вижу!» Только в смягченном и, если так можно выразиться, масленистом, задорном варианте – мол, желания-то я твои вижу, но ничуть не осуждаю, потому как наши хотения одинаковы.

– От того же, что и вы! Хи! Хи! – ответила она и засмеялась в кулачок.

– А как вас зовут? А, прелестница?! – Гаврилов расплылся в улыбке – больно уж понравился ему ее глупый смех. Он вообще считал, что в откровенно скудоумных женщинах есть что-то неудержимо притягательное. При виде такой особы Владимир Иванович чувствовал себя не только раскованнее, но возникало в нем непонятно откуда взявшееся странное чувство – ему вдруг хотелось властвовать и повелевать ею.

– Ой! Ну вы уж так сказали! Так красиво сказали! Хи! Прелестница! – И она снова захихикала.

– Так как тебя звать-величать, чертовка? – И Гаврилов улыбнулся во все свои тридцать два шикарных (несмотря на неумеренное курение) зуба.

В эту минуту чертовка была сражена наповал – в ее ледяном, равнодушном ко всему окружающему миру сердце вдруг вспыхнуло... Нет, это была даже, пожалуй, не любовь, а неудержимое желание отдать себя всю с потрохами этому белозубому, интересному (как ей показалось) мужчине – прямо здесь и сейчас. Такой ловелас, как Гаврилов, не мог не прореагировать на это – страстное вождение глуповатой особы он почувствовал кожей и, вскочив со стула, кинулся к ней.

– Куда? Куда вы меня тащите? – вопрошала она, влекомая красиво изъясняющимся мужчиной вдоль длинного коридора с облезлыми, исписанными всякой непотребщиной стенами.

– Ща увидишь! Так как тебя зовут-то? – в который раз спросил Гаврилов.

– Галя Калерина. А вас?

– Галюнчик, стало быть. А меня Вовульчик!

– А фамилия? Как ваша фамилия? Я вам свою сказала, а вы мне нет! – недоуменно молвила Галина. Вообще голос у нее был (как, впрочем, и внешность) необычный – исходил словно откуда-то или из желудка, или из самих кишок. К тому же по причине неправильного прикуса Калерина едва заметно картавила, стирая звуки «з» и «с», как ластик тонкую карандашевую запись в толстом блокноте.

– Гаврилов моя фамилия! Гаврилов! – не без гордости выкрикнул он, задыхаясь.

– Куда вы меня тащите, товарищ Гаврилов? – решила еще раз уточнить Калерина – просто ради приличия, на самом деле ей было совершенно наплевать, куда волочет ее бело-

зубый мужчина с выпученными, как у китайского пекинеса, глазами. Главное, чтоб тащил, а куда – не имеет никакого значения.

– Пшел вон! Змий поганый! – гаркнул Владимир Иванович на безумного мужчину скромного телосложения, который вечно, вместо того чтобы ходить с ними в отхожее место, доставал с широкого подоконника разрезанные квадратики газеты, которую в клинике использовали вместо туалетной бумаги, и складывал из них неприличные слова на полу.

– Ой! Мы в мужском туалете! – Калерина, кажется, обрадовалась этому факту.

– Иди, иди, малахольный, я сам подберу! – И Гаврилов, вышвырнув сквернословия и прикрыв за ним дверь, набросился, сжигаемый желанием и похотью, на Галюнчика. Та, в свою очередь, с охотой и дикой даже какой-то жаждой откликнулась на его желание.

Бывают романы «служебные», «жестокие», «тюремные», «военно-полевые». Владимир Иванович же умудрился закрутить роман клинический, который протекал в психушке № 49 на протяжении сорока одного дня, вернее будет, наверное, сказать, не протекал, а стремительно несясь, подобно реке с безудержным течением, минуя огромные валуны в лице медперсонала больницы.

Приостановился этот сумасшедший клинический роман двух одиноких сердец лишь в то утро, которое явилось своеобразной береговой излучиной в развитии отношений Калериной и Гаврилова, когда последнего выписали.

* * *

Далее события разворачивались следующим образом.

Зинаида Матвеевна с нетерпением ждала бывшего мужа из больницы, дабы вновь ощутить то неземное блаженство, которое она, как назло, почувствовала при близости с Гавриловым только после развода. Если б Зинаида знала, что такое возможно, она никогда в жизни бы не развелась с ним, стойчески перенося всех побочных женщин Владимира Ивановича, его скверный, взбалмошный характер, скандалы и периодические пьянки.

Чего еще ждала Зинаида Матвеевна? Ну, конечно же, внука или внучку – в конце февраля дочь должна была разрешиться от бремени.

Еще Зинаида Матвеевна со страхом и трепетом ожидала следующего сентября, потому как именно в этом первом осеннем месяце ей стукнет пятьдесят пять лет, что означает лишь одно: конец ее бухгалтерской деятельности в качестве кассира часового завода. Для Гавриловой это было бедствием, потрясением – одним словом, полнейшей катастрофой. Чем займет она себя в длинные, нескончаемые свободные часы? Что станет делать, когда под рукой не будет деревянных счетов с отшлифованными ее рукой за многие годы костяшками? Чьи деньги она станет считать, злясь, возмущаясь и завидуя? Пустоту, пугающую и безысходную пустоту видела впереди Зинаида Матвеевна.

У Авроры была своя жизнь – она скоро сама станет матерью. У Гени (любимца Зинаиды Матвеевны) – своя. Тут надо заметить, что Кошелев, после того как сестра переехала к Метелкиным, развернулся, разошелся, разгулялся не на шутку. Он переселился в большую комнату, вытеснив мамашу в свою – маленькую, и каждый месяц приводил и приводил новых избранниц. К слову сказать, Таня Зарина, с которой Кошелев появился на свадьбе сестры, была брошена им, забыта и выкинута как из головы (в сердце девушки у него никогда не было), так и из жизни, как лишний груз из лодки, тянущий ее ко дну.

– Маманя! – кричал он из коридора. – Выйди, познакомься с Валухой! Хорошая девка! Будет с нами жить!

Через месяц-полтора Валуха летела за борт, в набегавшую волну, и Геня знакомил родительницу с очередной «хорошей девкой». Познакомившись и выдавив дежурную, натянутую улыбку, долго и упорно репетируемую перед зеркалом, Зинаида Матвеевна обыкно-

венно трясла девицу за руку, лицемерно приговаривая, что ей очень приятно, после чего вызывала сына на кухню «на пару слов» и закатывала ему тихий скандал, переходя на нервной почве на свой родной вологодский говор:

– Генечка! Я, конечно, понимаю, что тебе тридцать лет и у тебя давно бы уж должна быть семья! Но если ты каждый месяц будешь водить девиц, ты никогда не женишься! Так и останешься бобылем! – окая, пугала она сына, раздувая пухлые щеки своего грушеподобного лица.

– Да ладно тебе, мамань! Все в ажуре! – отмахивался Геня – мамина гордость, сын-красавец с лицом Жана Маре и «туловищем Лефонида Жаботинского» (по твердому убеждению Зинаиды Матвеевны, именно в этих двух мужчинах соединились воедино те качества, которые непременно должны быть у каждого настоящего представителя противоположного пола, – мужество, сила, ум и красота. У Гени все это было, на ее взгляд).

– А что – ладно?! Что ладно-то! – расходилась она, переходя с шепота на тихий визг. – Нашел бы себе порядочную девушку, женился бы на ней, детки б пошли...

– Не родилась еще такая! – легкомысленно отвечал Геня.

– Да уж конечно! – почти кричала Зинаида Матвеевна.

– Да ладно тебе, мамань! Налифки фталифки попово селисински? А? – спрашивал Геня, хитро подмигивая матери, намекая придуманной им самим нелепой фразой на то, что разговор можно считать оконченным.

– Ой! Иди уже! – таяла Гаврилова, и, когда сын скрывался в коридоре, она с нескрываемым восторгом восклицала: – Красавец! Высокий, статный, складный! Весь в отца! Конечно, трудно ему будет найти подходящую девушку, – понимающе вздыхая, заключала она.

Итак, Зинаида Матвеевна совершенно не представляла себе, куда применить и на что потратить свою еще фонтаном бьющую энергию, когда ее проводят на заслуженный отдых. Дальше ее ждала, как говорится, тишина.

Единственное, что оставляло надежду, горя тонким фитильком в ее душе, – страстные спонтанные встречи с бывшим мужем. Но и тут ее ждало разочарование.

Зинаида Матвеевна, взяв пару путевок в подмосковный санаторий «Ласточка», надеялась провести с бывшим супругом две незабываемые медовые недели. Все шло вроде своим ходом – так, как должно было бы: Гаврилова выписали из больницы аккуратно за две недели до Нового года. Но...

В жизни всегда все случается не так, как нам бы хотелось, или не так, как мы загадали. Владимир Иванович еще до выхода на работу (в воскресенье) приехал к Метелкиным навестить свою беременную дочь. Зинаида Матвеевна, конечно же, не могла не знать об этом и как коршун поджидала экс-супруга с самого раннего утра, сидя на грязной кухне.

Тут все было как обычно. Сначала на кухне появилась сватья – заспанная, в грязном халате, шаркая тапками. Она поздоровалась с Зинаидой Матвеевной и предложила ей холодного чая с зефиром.

– Нет, Ульяна, спасибо, я позавтракала, – отказалась Аврорина мамаша: она брезговала есть в этой семье.

– Ах! Ну раз позавтракали... – молвила Ульяна Андреевна, не зная, что можно еще сказать.

По коридору, топая, как слон, прошел Алексей Павлович – он уже разлепил веки, проморгался, покопошил толстым мизинцем в ушах, побрякал, сидя на кровати, и теперь отправился в ванную (скорее по привычке, нежели из-за необходимости).

Минут через десять тесть предстал весьма довольный всеми и всем, с масляными блаженными глазками и, налив себе заварки, затанул:

– Вот, Зинаид Матвеевна, хоть ты мне растолкуй! Все говорят о каком-то смысле жизни! А есть ли он вообще? – И Алексей Павлович, прищурившись, пытливо посмотрел на сватью.

– Не обращай внимания, Зинаид, – предупредительно проговорила Ульяна с набитым ртом. – Щас начнет – есть смысл жизни, нет смысла! Вот ты скажи, ирод, зачем по утрам в ванную ходишь? Особенно сегодня? Сегодня-то для чего? Сегодня-то выходной, – ровно, без эмоций, спросила мужа Ульяна.

– А почему это он утром в ванную-то ходить не должен?! – вылупилась на сватью Зинаида Матвеевна. – Утром и вечером люди завсегда в ванную ходят! Как же без ванной-то?

– Ой! Зинаид, знала бы ты, что он там делает!

– А что? – наострилась Зинаида Матвеевна, ожидая услышать что-нибудь тайное и непременно предосудительное об Алексее Павловиче. – Что он там делает?

– Клизму, – как ни в чем не бывало проговорила Ульяна.

– Клизму?! Зачем?! И что, каждое утро?

– Вот и я говорю, зачем в выходные-то делать? Дурень?

– Нет! Вы мне объясните! Я что-то ничего понять не могу! У Алексей Палыча запоры, что ли?

– Да при чем тут запоры?! – поразились сватья.

– А при чем тогда клизма? – изумилась Гаврилова.

– Да чтоб изо рта не пахло! Как ты не понимаешь-то, Зин?!

– А что, это помогает?

– Ха! Ну ты сама-то посуди. Если он с утра выпьет чекушку, как его на проходной на фабрику-то пропустят? Скажут: ты, Метелкин, пьян, иди к директору. А если он себе клистир этой самой чекушкой поставит, никто и не догадается ни о чем. У нас, на кондитерской фабрике, все мужики так делают. Похмелиться-то надо! А как? Они все с утра уж пьяные в ломотень, а начальство ничего понять не может. И не придерешься. Чего тут непонятного-то?

– А я вот ведь как считаю... – философствовал Метелкин. – Нетути никакого смысла! Ногами в состоянии передвигать – вот тебе и весь смысл!

– Уже, того-этого, глаза продрали? – На кухне появился дядя Моня – он, как всегда, стоял в своем обычном наряде, держа в руках с каким-то священным трепетом портновские ножницы. – Что вы, того-этого, не сказали, что у нас гости? Я б принарядился, – дядя Моня имел в виду не иначе как свою парадную алую ленту. – Ну теперь уж поздно, того-этого. Я тоже чайку похлебаю, – решил он и пристроился на ящике с картошкой. – Мне осталось три простыни прострочить и, того-этого... – делился он, разгрызая рафинад, и почему-то напомнил Зинаиде Матвеевне кролика, несмотря на то что у грызуна впереди два ярко выраженных зуба, а не один, как у Мони.

– Доброе утро! Ой! Мама! И ты тут! – В кухонном проеме появилась Аврора. – Опять чай холодный пьете?

– Как спалось, Басенка? – просто так, чтобы поддержать разговор, спросила Ульяна Андреевна. Тут сразу замечу, что нашу героиню в метелкинской семье называли Басенкой. Как только впервые Юрина мать увидела будущую невестку, повторила в восторге прозвище, уже данное ее сыном Авроре. «Какая хорошая девочка, какая красивая, прямо басенка, а не ребенок!» – умилилась тогда она. Откуда взялось это слово и что обозначало, в точности никто из членов семьи Метелкиных пояснить не мог. Скорее всего, Ульяна Андреевна с братом привезли его вместе со своими скромными пожитками из Ярославля в Москву много лет назад, а значение этого слова можно узнать в «Толковом словаре живого русского языка» В.И. Даля (чуть было не написала «в девичестве» Луганского). Итак, слово «басенка» выражает пригожесть, расхорошесть и красоту.

– Живот мешал, а так нормально, – ответила Аврора. – Мам, ты отца ждешь?

– С чего это мне его ждать-то?! – вспыхнула Зинаида Матвеевна. Она тщательнейшим образом скрывала свои чувства к Владимиру Ивановичу, а также всячески, самыми изощ-

ренными способами маскировала нечастые, долгожданные встречи с ним. – Я вообще не знала, что он сегодня сюда приедет! Я к тебе пришла узнать о состоянии здоровья.

– Так я ж тебе вчера вечером сказала, что он приедет!

– А очень мне нужно помнить, когда Гаврилов соизволит дочь повидать! Надо мне это больно! – ворчала Зинаида, а на душе разливалось приятное тепло, вызванное дочерним подтверждением того, что сегодня она увидит экс-супруга, а может, повезет, и он ущипнет ее незаметно в темном, узком метелкинском коридоре. – Ты мне лучше скажи, как сама, как плод! Сильно брыкается? – И Зинаида Матвеевна с беспокойством посмотрела на Аврорин живот, который вырос как-то сразу за последние полтора месяца – до этого беременности дочери не замечал никто: ей даже места не уступали в общественном транспорте (что для того времени являлось просто нонсенсом).

Наша героиня не успела ответить на материн вопрос – в дверь позвонили.

– Надо, того-этого, все-таки принарядиться пойти! – решил Парамон Андреевич и, вскочив с ящика, скрылся в темноте коридора. За ним вразвалочку последовала Аврора. Зинаида Матвеевна, приложив руку к груди, словно удерживала сердце, которое того и гляди выпрыгнет на серый, никогда не мытый линолеум с черными штрихами от уличной обуви.

– Аврик! Здравствуй! Как дела?! Как ребенок? Т-п, т-п, т-п, т-п, т-п! Тук, тук, тук, тук, – отстукивал заботливый отец по обшарпанной, пыльной калошнице. – Схваток еще не было? Твой папа вышел из больницы совершенно здоровым и счастливым человеком! Что там со мной было! Что было! Ты просто не представляешь! Как мать поживает? Все носится со своим Генькой-падлой, как со списанной торбой? Сучья любовь у твоей матери к нему! Сучья! Вот что я скажу! – орал Гаврилов в коридоре.

Вообще ему стоило только появиться на пороге метелкинской квартиры, как тихая «болотная», размеренная и невозмутимая жизнь смывалась, увлекаемая напористым, никому не подвластным течением водопада под названием «Гаврилов», сносящим на своем пути все, даже ту окаменелую косность и вязкий застой среды теперешней обители дочери. Все вокруг вдруг начинало двигаться, колыхаться, ходить ходуном – одним словом, все приводилось в действие, быть может, бессмысленное, ненужное и подчас разрушительное, но жилище хоть на час-полтора наполнялось жизнью. Воздух сотрясался от удивленных, громких, иногда восторженных, иногда выражающих недовольство возгласов Гаврилова, верхняя одежда, гроздьями навешанная на хлюпкие крючки, срывалась и летела на пол вместе с крючками, тапки, подкинутые к потолку, делали петлю и с грохотом падали куда придется, дверцы навесных шкафчиков то и дело хлопали – тук-стук, вот-вот грозя сорваться с петель...

И сейчас Владимир Иванович подобно урагану ворвался в кухню и, не замечая никого из присутствующих, продолжал возмущаться на повышенных тонах (на пониженных он говорил крайне редко – только в тех исключительных случаях, когда ему что-то от кого-то было нужно):

– А Кукурузин, падла, думает, наверное, уволить меня! Ха! Т-п, т-п, т-п, т-п, т-п! Тук, тук, тук, тук! – плевался и стучал он. – Как бы не так! Аврик! Ты не знаешь своего отца! Мне товарищ Коротайко, мой доктор, сказал, что Кукурузин не только не имеет права меня уволить! Нет! Я займу его место! О как! – бесстыдно заливал Гаврилов. – Зинульчик! И ты тут! Здравствуй, здравствуй! Пришла посмотреть на своего Вовульчика?! – увидев бывшую супругу, воскликнул он.

– Значит, мой Генечка – падла?! Значит, я с ним ношусь, как со списанной торбой?! – поджав губы, расходился Зинульчик. – Значит, у меня к нему сучья любовь?! – взревела она.

– Да будет тебе, Зинульчик! Ты чего такая злопамятная-то?! Это когда я тебе такое говорил?! – пытался выкрутиться Гаврилов – он, весь на эмоциях ворвавшись к Метелкиным, и допустить не мог, обливая грязью Зинаиду (хотя нет, вернее будет: говоря правду о бывшей своей супруге), что та сидит в кухне и ждет его появления. Аврора и так и сяк пыталась

намекнуть на это отцу, но тот был слишком возбужден и счастлив, чтобы обращать внимание на кого-то, кроме себя, любимого.

– Только что! Только что и говорил! В коридоре! – пыталась восстановить справедливость Зинаида Матвеевна. – Я все слышала, не глухая!

– Папочка, мамочка, не ругайтесь! – попросила Аврора, как в былые времена.

– А кто ругается?! Чего нам ругаться-то теперь! Мы ж в разводе, доча, – выдавила из себя Зинаида и замолчала, обидевшись.

– Н-да, вы, того-этого, не бранитесь... От этого ж одни нервы! – высказался Парамон Андреевич, поправляя помятую алую ленту на груди, и, схватив подгнившее с бочка яблоко со стола, удалился в комнату строчить свою нескончаемую простыню.

– А я вот, Владимир, все думаю! И до чего люди глупые! – возмущенно проговорил Алексей Павлович. – Все ищут какой-то смысл жизни!..

– Молчи уж! – прошипела Ульяна и тихо сказала: – Бери свой чай, да пошли к Моне, не видишь – людям поговорить нужно!

– А я и говорю, – уперся Метелкин и тупо уставился на сватью.

– Пошли! Тут повернуться негде! Дай людям о своем поговорить! – и Ульяна Андреевна, ухватившись за драный рукав мужниного свитера, потащила его в комнату.

– Зинульчик! А у меня ведь новость! – разливался соловьем Гаврилов.

– Какая такая еще новость?! – презрительно спросила бывшая жена.

– Я ведь женюсь!

– Что?! – хором спросили Аврора с Зинаидой.

– А что это вы так удивляетесь? Прикажете мне одному, подобно великолепному цветку в пустыне, погибать?! Женюсь! Женюсь! Зинульчик! Она – прэлесь! – воскликнул Гаврилов и в подтверждение этого принялся долго плевать, барабая согнутыми пальцами по ящику с картошкой.

Зинаида Матвеевна на такой дикий выпад мужа ответить ничего не могла – она сидела, словно каменная баба посреди поля, боясь лишь одного: как бы не разреветься.

– Да вы чего, не рады, что ли, за меня?! Эгоистки! – обиделся Гаврилов.

– Что ты, папочка! Рады! Очень даже рады! – воскликнула Аврора и чмокнула отца в щеку.

– То-то же! – растаял он.

– А кто она? – пересилив себя, любопытствовала Зинаида. – Где ты с ней познакомился? – Она хотела было спросить бывшего мужа о том, почему это он ей раньше ничего не говорил, почему скрывал сей факт, встречаясь с ней и обещая горы золотые, но вовремя опомнилась, прикусила язык.

– Галюнчик! Ангел, а не женщина! Сущий ангел! Бескорыстная, открытая, симпатичная!.. Цветок! Роза! – И Владимир Иванович, сложив пальцы правой руки щепотью, смачно поцеловал их в знак того, что его новая пассия – то, что надо, самый цимес.

– Когда, когда ты с ней познакомился? Где? – этот вопрос особенно волновал Зинаиду – она бы не пережила, если б Гаврилов, встречаясь с ней, одновременно крутил любовь с «бескорыстным, открытым цветком».

– Где познакомился, где познакомился, – недовольно проворчал Гаврилов. – В психушке познакомился! Вот где!

– Ага, ну понятно, – с издевкой проговорила Зинаида.

– Что тебе понятно? Да если хочешь знать, в психбольницах лежат люди намного нормальнее тебя! Отзывчивее! Понимание имеют! И не такие бессердечные, как ты, Зинка! – расходился Владимир Иванович, а бывшая его супруга, учуяв запах горелого, нашла в себе силы, поднялась и проговорила:

– Ну что ж я могу сказать! Счастья тебе, Гаврилов, в личной жизни! Поздравляю тебя с тем, что ты наконец нашел, что искал. Теперь вы с женой вместе в психушках будете лечиться!

– Лярва ты, Зинка! Глупая, недалекая женщина! Вместо того чтоб порадоваться за меня, ты гадости говоришь! А я знаю, почему ты гадости говоришь! Хочешь, скажу? Хочешь, вот сейчас при Аврике скажу? – И он горящими выпученными глазами посмотрел на свою бывшую жену.

– Значит, у тебя, Аврора, все в порядке. Я только узнать зашла. Пойду. А то Геня, наверное, уже проснулся. – И Зинаида Матвеевна, опасаясь, как бы чокнутый Гаврилов не поболтался насчет их тайной связи, поднялась с табуретки и поспешила ретироваться.

– Геня у нее проснулся – лоб тридцатилетний! Пошла завтраком кормить! Вот сучья любовь-то!

– Пап, а почему мама гадости говорит? – с интересом спросила Аврора.

– Да она ж меня ревнует! Ты что, не поняла, что ли?! Ну что тут смешного? Т-п, т-п, т-п, т-п, т-п! Тук, тук, тук, тук, тук. Что смешного! – разозлился он, когда дочь захохотала, держась за живот. – Она ж меня до сих пор любит! А характер у твоей матери мерзопакостный! Знаешь, как это называется? Знаешь?

– Ой! Ну как? – все еще прыская смехом, спросила Аврора.

– Ни себе, ни людям! Вот как! Мать твоя – настоящая собака на сене! А моя Галюшка – ангел, настоящий ангел.

– Расскажи о ней. У нее есть дети?

– А что рассказывать? – наигранно удивился Гаврилов, хотя его так и подмывало поговорить о Калериной. – Она на три года моложе меня, не замужем – в разводе, как и я. Дочь у нее двадцати пяти лет от роду. Надькой звать. Пока не замужем. И мамаша у Гали есть. Той, кажется, шестьдесят один год. Добрейшей души человек, интеллигентный – все меня, знаешь, на «вы» да на «вы». Вы, говорит, Владимир Иванович, уж мою Галочку не обижайте, хольте, говорит, и лелейте, она ведь у меня наивная – не от мира сего. А третьего дня на чекушку дала – нате, говорит, Владимир Иванович, купите себе водочки, выпейте за мое здоровье – можт (Гаврилов, как многие в их семействе, глотал букву «е» в слове «может»), поможет, а то никакого у меня здоровья нет. И правда, Аврик, бедная женщина! Одни болячки у нее – артрит, водянка, полиартрит ну и так далее. У Галюнчика моего тоже с животом непонятно что – знаешь, здоровый такой! Вот как у тебя почти!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.